

Натали Бизанс

Новая Жизнь

Сага «Исповедь» Книга вторая

Натали Бизанс

**Новая Жизнь. Сага
«Исповедь» Книга вторая**

«Издательские решения»

Бизанс Н.

Новая Жизнь. Сага «Исповедь» Книга вторая / Н. Бизанс —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-838332-8

Только в сказках история любви заканчивается свадьбой героев, в жизни у них всё впереди. Эрика и его любимую ждут новые испытания, но настоящая любовь способна преодолеть все трудности, особенно когда рядом верные и такие одарённые друзья! Вторая книга саги «Исповедь». Всё только начинается!

ISBN 978-5-44-838332-8

© Бизанс Н.
© Издательские решения

Содержание

НОВАЯ ЖИЗНЬ	6
Часть 1	7
Глава 1	7
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	15
Глава 5	17
Глава 6	19
Глава 7	22
Глава 8	25
Глава 9	28
Глава 10	30
Глава 11	32
Глава 12	34
Часть 2	36
Глава 1	36
Глава 2	38
Глава 3	39
Глава 4	41
Глава 5	44
Глава 6	46
Глава 7	48
Глава 8	50
Глава 9	52
Глава 10	54
Глава 11	57
Глава 12	59
Часть 3	62
Глава 1	62
Глава 2	65
Глава 3	67
Глава 4	69
Глава 5	71
Глава 6	74
Глава 7	75
Глава 8	77
Глава 9	79
Конец ознакомительного фрагмента.	81

Новая Жизнь Сага «Исповедь» Книга вторая

Натали Бизанс

© Натали Бизанс, 2018

ISBN 978-5-4483-8332-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НОВАЯ ЖИЗНЬ

Часть 1

Глава 1

Проснуться ранним утром и ощутить в объятиях любимую женщину, что может быть желаннее?! Мгновение счастья и полноты бытия!.. Сейчас даже трудно себе представить, что когда-то я по собственной воле обрек нас на разлуку. Долгие безвозвратно ушедшие годы одиночества, где лишь сны позволяли мне увидеть недостижимый образ девочки, от которой я отказался ради своего призвания. Теперь сами Небеса благоволят нашему союзу, и нет в мире никого счастливее нас.

Осторожно, чтобы не потревожить чуткий сон моей половинки, дотягиваюсь губами до её пшеничных волос, дышу ими, целую, и нежность переполняет душу. А ведь ещё совсем недавно я пытался себя убедить, что Наташа чужая жена, и мне нет и не может быть места в её жизни. Будучи католическим священником я покрестил их с Виктором дочь, родившуюся с отсутствием глотательного рефлекса, и произошло маленькое чудо, малышка начала есть. А мы с её мамой поняли, что не можем больше жить друг без друга. Любовь не умерла за десять лет разлуки, она стала только сильнее. Наташа ушла от мужа, ещё до того, как мы вновь встретились, я оставил служение в тот день, когда с нею случилась беда. Божьей Милостью удалось вернуть любимую к жизни и больше мы не расстанемся никогда. До последнего вздоха она – моя, а я – её половинка. Венчание соединило нас навеки. Жена моя, нет никого прекраснее тебя на целом свете, ты – мой рай на Земле, моя отрада, самый близкий и родной человек. С шестнадцати лет я люблю тебя и любить не перестану. Мы так долго и мучительно шли друг к другу, что заслужили это счастье. Одному Богу известно, сколько оно продлится, но каждое мгновение, когда ты рядом, я буду ценить и лелеять, чтобы сохранить в своём сердце навечно.

Рассвет – это удивительное время, которое нужно проводить с пользой. Много лет я этого не понимал и даже считал себя «совой», пока однажды судьба не привела меня в удалённый от цивилизации монастырь. Там я осознал, что такое пробуждение дня... Когда первые утренние молитвы монахов сливаются с ликующим пением пробуждающихся птиц, возвеличивая и благословляя Господа. Из страны в страну, окутывая земной шар, высокие духовные вибрации пронизывают весь наш мир. Не зря же испокон веков говорили: «утро вечера мудренее» или «кто рано встаёт, тому Бог подаёт», или «как с утра, так и до вечера»... Рассвет способен изменить всё вокруг, не только освобождая землю от тьмы, но и своим мощным энергетическим потоком, на который реагирует всё живое. Цветы раскрываются навстречу теплу и свету, земля начинает дышать, растения тянутся ввысь в неизбежном стремлении впитать в себя Небесную благодать.

Начинаю день с молитвы, пусть даже короткой, предаю душу и тело в руки Божьи, все дела и заботы, радости и страдания грядущего дня. Прошу Божьего благословения и руководства. Вот теперь можно приступить к занятиям, пока все дома спят, сосредоточиться на чтении или написать новую заметку, а иногда просто иду на прогулку, чтобы зарядиться силами природы, пробуждаясь вместе с ней, – это сделать удивительно просто. Миг единения и гармонии, дающий бодрость духа и свежесть ума на целый день.

Моя семейная жизнь этому не мешает. Наташа, очень чуткая и внимательная натура, всячески оберегает мою свободу действий от лишних дел и забот. Сам с большой радостью помогаю ей по возможности, но есть моменты, когда я с головой должен погрузиться в нечто более важное... Один такой случай произошёл ещё в наш медовый месяц. По внутреннему зову я отправился на поиски ребёнка, заблудившегося в лесу, найти его удалось, правда, на это ушли почти сутки. Мобильный телефон в самый неподходящий момент разрядился. Наташа

не знала, где я и что со мной и, конечно, страшно переживала. Но, вернувшись домой, я не услышал ни единого упрёка. Она просто заплакала от счастья, прижавшись к моей груди. Благословенная душа! Раньше, в пору моего служения, я часто размышлял о необходимости celibата для духовенства, ибо свобода действий и времени нужна каждому священнослужителю как воздух. И всегда поражался, как справляются с этим православные отцы, имея большие семьи, воспитывая детей... Сейчас я понимаю, что нет ничего невозможного. Любящие сердца способны стучать в унисон, быть поддержкой и опорой друг другу, и в этом им помогает сам Бог.

Теперь душа живёт в гармонии с телом, не нужно тратить львиную долю своей энергии на погашение чувств и желаний, дарованных нам природой. Не приходится бороться со своим сердцем, отвергая любовь. Я наполнился ею доверху и испытываю блаженство. Но это не значит, что можно себе позволить облениться и забыть обо всём. В горячих объятиях жены, после бурной ночи так сладко спится по утрам... Иногда приходится просто «брать себя за волосы» и стаскивать с постели. Семейное благополучие не должно мешать призванию, если я хочу и дальше помогать людям. Да, я уже не католический священник и ещё не стал православным, но я остался человеком с духовным саном, который даётся пожизненно и никуда не исчезает, даже когда находишься под запретом. Не исчез и дар предвидения, которым Бог наделил меня, и я хорошо понимаю, что от качества его исполнения зависит чья-то жизнь. Могу ли я, понимая это, сладостно покрываться жиром бездействия? Отдавая семье всё своё свободное время, первостепенным я оставил исполнение священного долга.

Служение при храме, рядом с отцом Филиппом, многому меня научило. Теперь я чувствую себя в православных обрядах, как рыба в воде. Новый наставник доволен. Мы с полуслова понимаем друг друга. Трудно даётся старославянский, параллельно изучаю и французский язык. Это не просто, но кто сказал, что в жизни что-то даётся легко? От этого зависит будущее не только моё, но и нашей семьи.

Это раньше я мог находиться на хлебе и воде и не думать об обеспечении, забывая порою поесть. Теперь ситуация изменилась. Отец Филипп помогает, чем может, но приход у него небольшой, соответственно, небогатый. Батюшке нужно заботиться о многих вещах, прежде всего связанных с церковью. Приходится искать ещё какую-то работу для того, чтобы обеспечить семью.

Так поступают многие православные священники, в отличие от католических, ведь Ватикан обеспечивает своих служащих всем необходимым. Думаю, вопрос celibата касается ещё и этого финансового аспекта. Одно дело, обеспечивать священника, другое, когда у него появляется семья, и этих средств уже будет недостаточно, придётся искать работу параллельно со служением, а это затрудняет и без того нелёгкие будни перегруженных пастырей. Год за годом духовный кризис приносит свои горькие плоды. Часто один священник служит во многих приходах. Старики уходят, а молодёжь не хочет жертвовать ничем...

Я никогда не боялся трудностей, я их предвидел, и за счастье быть рядом с моей женой, готов бороться до конца. Ведь это и есть жизнь.

Глава 2

Лишь открыв сердце Богу – Его гармонии и любви, наполняешься светом. Упование на Божье милосердие – вот всё, что необходимо душе. Довериться как дитя, простирающее руки к небу, и даже если что-то непредвиденное случится, веруй: Бог знает, что делает, ибо только Ему одному известно, что есть истинное благо для нас. «Да будет воля Твоя, Господь, человеколюбец!..»

Виденья не было, скорее зов, с некоторых пор он заменил яркие вспышки, передающие информацию, что порой очень даже болезненно врезались в мою голову. После венчания что-то поменялось, и я больше не испытывал перегрузок, всё стало как-то яснее и легче, предупреждение об опасности «втекало» в меня плавно, как масло вливается в сосуд. Сердце охватывает волнение и влечёт в нужном направлении, достаточно только открыться этому зову, и можно идти хоть с закрытыми глазами, ноги сами приведут туда, где я должен быть. Интуиция? Шестое чувство? Дар предвидения?..

Всю дорогу я предавался молитве, отдавая себя целиком в руки Божьи. На мне тёмное пальто, оно, как шинель, хорошо защищает от ветра и холода в любую погоду. Осень всё сильнее походит на зиму, превращаясь в старуху с плохим характером, с седой изморозью по утрам. Тяжёлые обрывки облаков гонит куда-то ветер, как отару овец пастух.

Я проверил мобильный телефон, слава Богу, он заряжен, теперь Наташа сама следит за этим, чтобы я больше не пропадал без связи. Если бы тогда в лесу он работал, мы смогли бы быстрее выйти к людям и сообщить о своём местонахождении.

Вспомнил ту девочку и содрогнулся. Её обезумевшие от страха и отчаяния глаза будут ещё долго стоять передо мной, как и дрожащее, промокшее, ледяное тело. Мне пришлось снять с неё мокрую одежду, закутать в свою куртку, а ноги обернуть свитером и нести на руках, прижав к груди, чтобы согреть, и так около десяти километров... Мне не было холодно, с такой ношей и под ледяным дождём покроешься испариной. Позже врачи сказали, что если бы я этого не сделал, ребёнка было бы уже не спасти. А так она отделалась небольшим воспалением лёгких, которое быстро вылечили в больнице. Девочку зовут Мария. Ей девять лет. А в лес она побежала, обиженная одноклассниками, чтобы поплакать, и заблудилась. Иногда дети бывают очень жестоки по отношению друг к другу, даже не знаю почему... Откуда вообще появляется жестокость? Как человек допускает зло? Это трудно понять, когда ежедневно работаешь над собой, но все мы в чём-то слабые люди. И нужно принимать этот мир таким, каков он есть, каким мы его делаем сами.

Уже рассвело, я приблизился к автозаправке. Шёл пешком, на машине труднее сориентироваться. Ещё издали слышал приглушённый крик и звук, похожий на хлопок, будто взорвали петарду... Заглянул в бутик, но из-за рекламы на стекле ничего не было видно. Подъехал старый «москвич», ничего не подозревающий пожилой водитель вышел и направился к магазину. Я окликнул его, он обернулся. Сердце громко забило предчувствием беды. Всё, что мне оставалось, так это подбежать к нему и, повалив на землю, накрыть собой. Прозвучал ещё один выстрел, время словно замедлило ход... Из магазина выскочил человек с натянутым на лицо чулком, сжимая в одной руке купюры, в другой пистолет. Я инстинктивно закрыл глаза. Грабитель остановился возле нас на короткое мгновение, видимо, рассуждая, стоит ли ему избавиться от свидетелей, но передумал, сел в припаркованную поблизости машину с грязными номерами и рванул восвояси. Я откатился в сторону, ощущая острое жжение в плече. Мужчина, которого я заставил упасть, выругался, приходя в себя.

– Что это было?

– Ограбление.

– Какого лешего, Вы набросились на меня?

– Я не знал, как Вас иначе спасти...

– Кто Вы?

– Неважно. Считайте, что Ангел-Хранитель, – я встал, отряхнулся и пошёл. Наверное, это глупо, так себя вести, когда нечего скрывать, но ещё одно дело с моим именем стало бы находкой для Колека и ему подобных. Миссия выполнена. Кассиру уже не помочь. Его час настал. Я молился за душу, покинувшую тело, для молитвы ведь нет расстояний...

Но мой путь был недолгим. Жгучая боль усиливалась с каждой минутой, ощупав рукой рану, понял: в области ключицы – дыра, а липкое мокрое горячее и густое – моя кровь. Хотелось думать, что это неопасно, рука двигается, дышать могу. Хорошо, что на чёрном пальто кровь не выделяется слишком сильно. Пошёл дождь. Вскоре я почувствовал, что теряю равновесие и могу упасть. Нужно куда-то сесть. Достал телефон и набрал номер Виктора. Через несколько минут он был на месте. Я сидел на скамейке автобусной остановки, окружённый людьми, прижав кровотокающую рану рукой, и пытался не привлекать к себе внимания. Виктор подошёл в тот момент, когда подъехал автобус. Пассажиры начали заходить, распахивая друг друга локтями.

– Привет, ты как?

– Посиди немножко! Пусть уедут... – я подвинулся на скамейке и чуть не заорал во всё горло. Болевой шок прошёл и теперь стало понятно, что ничего хорошего ждать не приходится. Виктор озадаченно посмотрел на меня, и по его глазам я увидел, что дело дрянь.

– Пойдём, помогу, машина тут рядом.

– Только не в больницу, умоляю!..

– Почему?

– Потом объясню.

До авто я ещё как-то доковылял с помощью Виктора, а что было потом – не помню. Очнулся. Надо мной склонилась какая-то ярко накрашенная женщина в белом халате. Голова гудит как пчелиный улей, во рту всё пересохло.

– Вот видишь, я же говорила, ничего страшного! Пуля прошла навывлет, ну, да, потеря крови... – это поправимо. Сейчас ещё один укольчик, и ваш боец вернётся к жизни! Не таких латали, да, Витёк?! – она ему подмигнула и закурила тонкую сигарету.

– Спасибо, Катюш, что бы я без тебя делал?!

– Не выжил бы в девяностые, это точно! Сколько я тогда на тебя сил потратила?

– Это точно!..

– Вот видишь, живой и здоровый, и этот твой друг тоже в рубашке родился! – она похлопала меня по щекам, приводя в чувство. – Просыпаемся! Вот, молодец... – женщина с волосами, выкрашенными в ярко-рыжий цвет, мне улыбнулась.

– Не давай ему сейчас спать и налей чего-нибудь покрепче, чтобы силы появились. Через пару дней будет как огурчик.

– Благодарю, дорогая, пойдём, я тебя озолочу!

– Пойдём, коль не шутишь! – её глаза радостно заблестели.

– Спасибо! – прохрипел я, голос не слушался.

– На здоровье! Поправляйтесь, молодой человек, и больше пули собой не ловите! – её губы в жирной алой помаде коснулись моей щеки.

Катерина вышла следом за Виктором, из коридора донёсся её удовлетворённый наградой смех.

– Звони ещё! Всегда помогу, чем смогу, ты же знаешь!

– Надеюсь, больше такие услуги не понадобятся!..

– Дай-то Бог!

Открылась и закрылась входная дверь. До меня дошла странная мысль, что я лежу на кровати, где когда-то спала моя Наташа... и не одна... Сердце кольнуло, и я запретил себе даже думать об этом.

Вернулся Виктор, сел рядом.

– Ну что, герой, рассказывай, где тебя так угораздило?!

Вкратце признался, как есть.

– Я ж говорю: герой! Ты никогда не успокоишься, наверное... Почему сбежал оттуда? Не проще ли было дожидаться «скорой» на месте? Ты ведь ничего плохого не сделал, наоборот, спас старику жизнь.

– Не хотел очередной шумихи. Знаешь, как сильно это мешает.

– Что Наташе скажем?

– Сам расскажу, – я попытался подняться.

– Куда собрался? Нужно отлежаться хоть пару часов... Хочешь, я ей позвоню?

– Было бы неплохо. Только не пугай её сразу, ради Бога!

– Если б ты знал, как сам меня напугал! Эрик, Эрик!.. Странный ты всё-таки человек! – он вздохнул и, вытащив из кармана брюк сотовый, набрал номер:

– Натали, прости, что беспокою! Не могла бы ты ко мне заехать ненадолго, надо поговорить, обсудим кое-что важное... Да, по работе, конечно. Хорошо, жду!

Очень хотелось спать, глаза сами закрывались, и я проваливался куда-то. Стало совсем не больно, даже приятно, слабость прибывала к постели.

– Э-эй! Эрик, давай не спать! Возвращаемся! Меня предупреждали... – Виктор пошлёпал меня по лицу.

– Сегодня все так и норовят отхлестать меня по морде!

– Вот, уже лучше! Чувство юмора присутствует, значит жить будешь. Сейчас я тебе обезболивающее накапаю...

Он принёс стакан то ли с коньяком, то ли с виски.

– Может не надо?! – у меня не было ни малейшего желания пить да ещё и на пустой желудок.

– Давай, говорю!

Я замахал головой в знак протеста.

– Пей, тебе нужны силы! Доктор разрешил, – он приподнял мне голову и буквально влил содержимое в горло. Горячая волна побежала по пищеводу, стало тепло... Жизнь возвращается.

Глава 3

– Н-да, славная бы статейка получилась! Знаешь, я, как журналист, очень хорошо понимаю этого твоего... как его?..

– Колек.

– Да, Колека. Вывести на чистую воду такую рыбу как ты – огромное удовольствие! – Виктор засмеялся, попивая своё «обезболивающее». – Сколько потрясающих историй выплыло бы на свет! А?

– Я подумаю о твоём предложении на пенсии, если доживу, конечно.

– Такими темпами, навряд ли!.. Да и меня тогда уже точно не будет, как ни крути, а я вас постарше.

– Всё забываю спросить, сколько же тебе лет?

– Через годик сорок будет.

– Подумаешь, десять лет... тоже мне, разница!

– Тебе лучше, как я посмотрю, это хорошо. Не пугай всех больше так! – он удовлетворённо налил ещё и протянул мне стакан.

– Теперь точно не буду! И тебе не советую.

– Не занудствуй, Эрик, я стресс снимаю, тобою же и сотворённый.

– Не виноват лишь тот, кто ничего не делает. Я – твой должник.

– Перестань! Или, думаешь, я не понимаю?! Если хоть как-то могу поучаствовать, то – с радостью. И ничего ты мне не должен.

– Как Татьяна? Давно её не видно.

– Она сейчас усыновлением занята. И, судя по всему, у неё это тяжело получается. Ребёнка не хотят отдавать одиноким женщинам с маленькой зарплатой, даже если эта женщина единственный ближайший родственник.

– А твоё предложение? Что она ответила?

– Пока молчит. Меня иногда досада берёт. Впервые такую женщину вижу, пуленепробиваемую. Все мои старания как об стенку горох...

– Тебе не хватает терпения. Именно этому Бог и учит.

– Ты во всём видишь своего Бога! – Виктор криво улыбнулся, поставив стакан на тумбочку.

– Потому что Он и есть всё.

В дверь позвонили. «Это – она!» – сердце встрепенулось и полетело галопом. Виктор пошёл открывать, а я, затаив дыхание, вслушивался, что сейчас будет?!

– Привет, рад видеть, проходи, Натали!

– Привет. Ты уже с утра пораньше потягиваешь...

– Боюсь, и тебе придётся! – он хихикнул.

– С чего бы это? – в голосе Наташи зазвучали тревожные нотки.

– Давай куртку, повешу. Только не падай, ладно?! Он там, в спальне, в моей постели! – захмелевший Виктор рассмеялся от собственной шутки.

Услышав её шаги, я почувствовал, как участилось сердцебиение: никогда не привыкну к этой своей любви.

Наташа вошла и остолбенела. Мне стало совестно перед ней.

– Эрик! Что случилось? – она приблизилась и увидела повязку. – Ты поранился?!

– Так, мелочи жизни, не волнуйся, всё уже хорошо.

– Господи, я же чувствовала: что-то не так! С самого утра места себе не находила, – слёзы потекли по её щекам.

Виктор предусмотрительно не появлялся.

– Любимая, перестань, ради Бога! Ничего страшного не произошло.

– Ты опять кого-то спасал?! Эрик, я боюсь тебя потерять! Почему ты не в больнице? Почему здесь?..

– Ушёл, чтобы не было лишних вопросов. Как объяснишь полицейским, что я делал там и зачем...

Вытер слезу на её щеке, тут же появилась другая.

– Прости, родная, не хотел тебя расстраивать. Моя вина, впредь постараюсь быть осторожнее.

Зашёл Виктор:

– Наташа, не затопи мою постель слезами, мне тут ещё спать! – ему явно уже хватало выпитого.

– Ты уверен, что Эрику не надо в больницу?

– Уверен. Катю помнишь? Она тут первая медицинская помощь на районе, всё сделала по высшему разряду!

– То-то я смотрю, помада знакомая! – она потёрла мне щёку. – «Первая медицинская» говоришь?! Знаю я её помощь...

– Не переживай, всё заживёт как на собаке, рука у неё лёгкая! Там на столике антибиотики и шприцы, надо его поколоть дней пять для надёжности. Хорошо ещё, что пуля прошла навылет, не задев жизненно важные... – Виктор зря это сказал.

– Пуля?! – взорвалась Наташа, вскочив с постели. – Как, пуля?! Эрик, что ещё произошло?!

– Сядь, пожалуйста, всё объясню, – я похлопал рукой по краю кровати. Она послушно села рядом, бледная, как полотно. Не спеша рассказал всё как было.

– Ты мог погибнуть! Как мне теперь с этим жить? Как провожать тебя, зная, что ты можешь не вернуться, прикрыв собой ещё кого-нибудь?!

– Родная, а как же жёны спецназовцев живут? Они вообще только опасными делами и занимаются! Малыш, мы ведь вместе, мы справимся...

– Давай подарим ему на день рождения бронежилет! – пошутил Виктор с довольным покрасневшим лицом.

– Ага! Ты мне ещё каску купи! Буду ходить и улыбаться, как в старом анекдоте. – мы с ним засмеялись.

Виктор протянул Наташе «лекарство», она без возражений выпила содержимое стакана до дна, всё ещё находясь в шоке.

– Я ж говорил... и тебе придётся выпить! – он ещё раз хихикнул и вышел из комнаты от греха подальше.

Жена прилегла ко мне, прислонившись лицом к здоровому плечу.

– Голубка моя, прости меня!..

– Ты должен себя беречь! Обещай мне! Я не смогу жить без тебя, Эрик! – слёзы покатились ручейками, и не было им ни конца, ни края.

«Какой же я счастливый человек! Как много мне дал Господь! Чем заслужил я такую любовь?! Благодарю Тебя, Боже!»

Поглаживая её, я использовал свои способности. Когда солёные реки просохли, и Наташа притихла, спросил:

– Где же Эрика?

– Она осталась с Мишенькой, Таня завезла его к нам перед работой, боится дома одного оставлять, чтобы опекунский совет не нагрязнул. Им, видите ли, нужно, чтобы с ребёнком кто-то всё время находился. И всё равно, что мальчику уже двенадцать лет и он сам способен присмотреть за кем угодно!

Услышав наш разговор, Виктор влетел в комнату:

– Боится, говоришь, тогда почему не соглашается на свадьбу? Почему тянет с ответом? У пацана давно бы была полноценная семья. Неужели я ей настолько безразличен?! – в его словах звучало уязвлённое мужское самолюбие.

Наташа поднялась с постели.

– Витя, ну как тебе объяснить... Таня боится!

– Но чего?!

– Вдруг ты решишь, что она выходит за тебя не по любви, а именно, из-за Миши... Она не желает использовать тебя, хочет, чтобы ты не сомневался в её искренних чувствах.

– Ты издеваешься надо мной?! Я узнаю о том, что меня любит женщина, которую я безуспешно добиваюсь уже много месяцев, от своей бывшей жены! – он театрально засмеялся. – Почему же тогда Татьяна так холодна? Почему не подпускает меня к себе? Не говорит о любви?... Ох, уж эти женщины! Сам чёрт об вас ногу сломит! Прости, Эрик. – он покинул комнату, слегка хлопнув дверью.

– Ну вот! Хотела как лучше, а вышло как всегда. Теперь ещё и от Тани нагоняй получу, – Наташа закрыла ладонями лицо.

– Не волнуйся, всё будет хорошо. Дай ему время всё взвесить, успокоиться. И тогда он всё поймёт и даже обрадуется в конце концов.

– Ты прав. Надо дать ему время, пусть подумает. Поедем, дома и стены лечат!..

– Да, конечно.

– Попробуешь встать? – Наташа протянула мне руки, я поднялся, но сев, тут же почувствовал недомогание. Земля поплыла, в ушах загудело.

– Пока не могу, – я обратно лёг.

– Значит, надо отлежаться, ты, наверное, много крови потерял, – она заботливо коснулась моего лица тонкими пальчиками, и по телу пробежала горячая волна. Я никак не мог насытиться нашей любовью, вспыхивал словно спичка от малейшего её прикосновения. Даже в теперешнем состоянии желание разыграло в крови.

– Где твоё пальто? Где одежда?

– Не знаю, я был без сознания, когда меня раздевали.

– Хорошо, хоть Виктору позвонить успел! – Наташа горько вздохнула и вышла из комнаты.

Было слышно, как она спросила Виктора про вещи, потом послышались всхлипы, опять слёзы. Я представил, как выглядит моя окровавленная, продырявленная пулей одежда. Бедная моя девочка, сколько тебе ещё предстоит вынести со мной!

Глава 4

Ближе к ночи мы всё-таки добрались до дома с помощью Виктора. Меня всё время тянуло в горизонтальное положение, только лёжа находил покой. Усилилась боль от раны. Рукой пошевелить я больше уже не мог, плечо распухло. Понимая, что это – минимальная плата за чью-то жизнь, я принимал всё с благодарностью и терпением.

Что может быть лучше, чем вернуться домой, лечь в родную постель рядом с любимой женщиной?! Теперь у нас было большое двуспальное ложе; старую кровать, на которой мы так долго ютились, поставили в комнату Эрики, Миша частенько оставался у нас ночевать, когда Таня работала в ночную смену.

Меня не покидала мысль, что если Мишеньку не позволят усыновить Татьяне, если с Виктором у них вдруг ничего не получится, мы не оставим мальчика одного, и он всё равно будет с тётей рядом. «Ради этого можно даже забыть про Францию. Устроюсь на работу, буду дальше помогать отцу Филиппу. Главное – быть при Церкви, пусть и не как священник, простым помощником, важно что с Богом, по-другому я жить не могу. Карьерный рост для меня никогда не имел большого значения. Быть в меру сил и возможностей полезным Господу и людям – вот моё единственное желание. Даже если не позволят больше служить, я всё равно продолжу участвовать в церковной жизни.»

Итак, мы приняли в свою семью мальчика и его тётю. Приросли к ним всей душой. Татьяна всегда казалась очень замкнутой и мало проявляющей свои эмоции женщиной. За годы одиночества, посвящённые оплакиванию погибшего на войне жениха, она научилась справляться со всем одна. Смерть единственной сестры переживалась ею тоже очень глубоко. Внешняя сухость не являлась внутренней пустотой, она скрывала бездну неизжитой боли в душе, как защитный панцирь у черепахи скрывает её уязвимую нежную плоть. Их сложные отношения с Виктором объяснялись именно этим. Виктор никак не может понять, что Татьяна такая, какая есть, потому как он сам открыт и импульсивен, а ещё привык получать от жизни всё и брать крепости с ходу. Тут же требуется, прежде всего, терпение, что я пытался ему много раз втолковать.

На их примере были хорошо видны причины и следствия. Каждому не хватало целительной силы благодати, так обильно и щедро даруемой Богом через Церковь. Но я не мог навязывать им свои лекарства. Мог только молиться за них, за то, чтобы Господь обратил их души, наполнил верой и упованием, подарил терпение и любовь, мудрость и смирение.

Если бы все знали или, хотя бы краешком глаза видели, что даёт нам Бог через таинства – то церкви были бы переполнены! Но большинство людей привыкло жить своим умом, избегая истинной любви и света – источника всего доброго, забыв, что отвергая Всевышнего, мы сами себя обрекаем на гибель и страдания, лишаясь благословения.

Но не буду думать о грустном, возвращаюсь мыслями к нашей Татьяне. Она, в свои тридцать пять, научилась быть незаметной в толпе, но, когда захочет, может перевоплотиться в яркую и самодостаточную женщину. Её внешность зависит от настроения и душевного состояния, а также от поставленной ею задачи. Есть такой тип женщин, ничем внешне не примечательный, но стоит им слегка подкраситься, сделать причёску, красиво одеться, и они превращаются в королев. Таня – именно такой человек. Кажется, это таинственное перевоплощение, как раз и притягивает Виктора. В её закрытой, как он сказал, «пуленепробиваемой» душе хранятся неистраченные сокровища любви и нежности. Нужно только набраться терпения, чтобы подобрать к ней нужные ключи.

Эти мысли не покидали меня, пока я, пытаясь не разбудить Наташу, сдерживал стоны и безуспешно пытался заснуть. Действие уколов закончилось, рана болела, тело начало гореть.

Я молил Бога обойтись без больницы, ведь там всё откроется, и это может совершенно испортить нашу спокойную жизнь.

Вспомнил, как доставалось Агнешке, когда её преследовали репортёры. Лицо Колека, как воплощение журналистики в целом, всплывало перед моим внутренним взором ночным кошмаром. Всеми силами пытаюсь уберечь от этого Наташу, я старался лежать тихо и не шевелиться, чтобы её не разбудить. Жар и боль заполняли моё тело всё больше. За окном сияла жёлтая стареющая луна, время от времени прикрываясь стыдливо облачной завесой. Слышно было, как тикают стрелки часов с боем, висящие на стене в зале. Мы не заводим бой, чтобы он не тревожил по ночам сладкий сон моих девочек. Как же я люблю их обеих! До сих пор не могу поверить и осознать до конца своё счастье! «О, Бездонное Милосердие Божие, нет предела Твоему совершенству! Разве я мог представить себе когда-нибудь, что буду настолько счастливым?!»

Наташа тихо и ровно дышала. За прошедший день она пролила столько слёз, а лучшее средство восстановиться после переживаний – это сон.

«Рана заживёт, и всё будет хорошо, – успокаивал я сам себя. – Нужно только немного подождать, потерпеть до утра, и станет легче...»

Капли холодного пота выступили на лбу. Кажется, начал бредить, тело перестало меня слушаться, то и дело вздрагивая. Наташа проснулась и, увидев моё состояние, тут же вскочила с постели, принесла какие-то таблетки, всунула их мне в рот, дала запить водой.

– Эрик, нужно в больницу! Матерь Божья, ты весь пылаешь!

– Не надо, всё пройдёт. Всё хорошо, скоро будет лучше... – я замахал головой, перед глазами поплыли красные пятна, по потолку и стенам, растекаясь в какие-то уродливые бессмысленные формы.

– Я не могу тебя потерять, что за упрямство! Сейчас же позвоню Александру Васильевичу, может быть он согласится помочь и без огласки решить этот вопрос! Зачем я только вас послушалась! Нужно было сразу обращаться в больницу!..

Что было потом, я не помню. Очнулся уже в палате. Всё оказалось не так просто, инфекция пробралась в рану, началось заражение. К счастью, меня успели спасти.

Капельница тихо, каплю за каплей вливала в мою кровь какое-то лекарство. Наташа, бледная и утомлённая, дремала рядом со мной на стуле, прижав голову к стене, точно так же, как когда-то и я у её постели.

Непонятно, какое время суток: раннее утро или поздний вечер, сумрак за окном. В больнице тихо, наверное, утро. Палата показалась мне знакомой.

И до меня дошло, что это – постреанимационный блок.

Что я здесь делаю?.. Неужели так плохо было? Проверил, рука на месте, пошевелил пальцами – работают, хоть и с трудом, попытался пошевелить рукой, но сильная боль тут же пробила плечо, и я непроизвольно застонал. Этого было достаточно, чтобы Наташа тут же вздрогнула и проснулась.

– Эрик, любимый, ты вернулся!

– Я разве уходил? – попытался улыбнуться.

– Вторые сутки после операции без сознания лежишь! Если бы не Александр Васильевич, ты мог вообще без руки остаться.

– Прости меня, досталось тебе, родная.

– Это неважно! Слава Богу, что ты очнулся, теперь всё будет хорошо, – она нажала кнопку вызова медсестры, – нужно сообщить. – её глаза наполнились вновь слезами. Наташа взяла мою руку и поцеловала ладонь. – Любимый мой, горе моё, счастье моё, жизнь моя!..

Глава 5

После обеда меня перевели в обычную палату. Самое интересное, что в ту, где лежал раньше Мишенька. Некий знак, ниспосланный мне Господом, словно иду по следам любимых людей. Всё силюсь вспомнить, что было в забытии. Где летала моя душа?.. Эти дни начисто стёрты в моей голове, смутно всплывает в памяти образ наставника, но я не уверен: видел ли его сейчас или это картины из прошлого...

Получив хороший, справедливый нагоняй от доктора и его обещание не разглашать нашей тайны, я с радостью терплю ниспосланные мне испытания. В любви к Господу всегда присутствует жертвенность, и пострадать во имя Его для любящей души – награда.

Виктор приходит почти каждый день как особенно провинившийся. Меня радует его присутствие. Иногда ловлю себя на мысли, что знаю его тысячу лет, мы стали настоящими друзьями, несмотря ни на что. С ним легко, и чем-то он напоминает мне Юриса: так же любит пошутить, и в карман за словом не полезет, импульсивный и не сдержанный порою, но очень естественный и живой. Мне нравится его искренность и правдивость без камня за пазухой.

– Я Катерину взял за жабры, совсем совесть потеряла, за что деньги плачены?!

– Не вини её, мы сами к ней обратились. Ты хотел, как лучше!..

– А вышло как всегда.

– Не переживай, ради Бога, всё же обошлось.

– А если бы нет?! Наташа бы меня живьём закопала! Ты не видел, чего ей стоили эти двое суток! Я хотел сквозь землю провалиться. Вообще, вы с ней очень похожи, вспоминаю тебя в те дни, когда она лежала... та же картина, – он заёрзал на стуле.

– Как у тебя с Татьяной?

– Мы не виделись уже несколько дней. На смс-ки она не отвечает. Мне порой хочется махнуть на всё рукой...

– Не говори так! За счастье надо бороться!

– Счастье ли? В том-то и дело, что я не знаю... – Виктор горько вздохнул и уставился в окно, думая о чём-то о своём.

Стук женских каблучков приближался. «Может Наташа?» – понадеялся я. Постучав, в палату вошла Татьяна, в руке сетка с фруктами. Лицо решительного человека, привыкшего бороться с любыми трудностями в одиночку, немного усталый и растерянный вид. Увидев Виктора, она изменилась в лице, застигнутая врасплох смутилась. Он посмотрел на неё глазами побитой собаки, немного с упрёком, и я почувствовал себя лишним в собственной палате, захотелось испариться, но я побоялся прервать их немой диалог:

«Сколько же ты будешь мучить меня?!» – говорил взгляд Виктора.

«Если бы я могла...» – отвечали глаза Татьяны.

«Когда же ты, наконец, поймёшь, что нет сил больше ждать?»

Она проглотила ком, застрявший в горле. Всё это происходило в считанные секунды, но я слышал их голоса, словно они говорили вслух, а не обменивались взглядами.

– Добрый день, Эрик! – опомнившись, Татьяна обратилась ко мне. – Здравствуй, Витя!

– Рад видеть, Татьяна! – довольно жёстко ответил Виктор и, вскочив со стула, выразительно хлопнув дверью ушёл.

Она вздрогнула и ещё больше покраснела.

– Прости, Эрик.

– Не бери в голову, это он от расстройства! Уверен, Виктор не хотел тебя обидеть, просто уже давно ждёт, и начал сомневаться.

Она посмотрела на меня, словно не понимая, о чём это я?

– Не хочу влезать в ваши с ним отношения, но, всё же, советую тебе подумать всерьёз и что-то решить.

– Эрик, я не готова, не знаю, смогу ли сделать его счастливым... Много лет считала, что буду жить одна, так решила, когда Дениса не стало.

– Понимаю, и вёл бы себя по-другому, но Виктор – огонь! Он не может спокойно ждать. Ему нужно всё сразу или ничего. Может быть, вам всё же стоит попробовать?!

– Он мне очень дорог, и, кажется, я даже его люблю. Но как же быть с теми клятвами, что я дала на могиле Дениса? Вот ты, священник, скажи мне?!

– Я сам нарушил свои клятвы. Что я могу тебе сказать?.. Иногда важнее для Бога быть послушным и смиренным Его Воле, чем исполнять никому не нужные клятвы. Евангелие говорит нам: " Не клянитесь вовсе... Но да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого.«* Пойми, если Денис тебя по-настоящему любил, то единственное его желание: видеть тебя счастливой! Мы заставляем любящих нас людей страдать, потому что несчастны сами. Это неправильно. Человек может и должен быть счастливым! Если в сердце твоём живёт любовь, нужно дать ей шанс. Денису ты уже не в силах помочь. А Виктор живой, он рядом, и ты ему очень нужна. Не цепляйся за прошлое, чтобы потом не жалеть о прошедшем настоящем.

– Спасибо, Эрик!

– Таня, найди его! Вам есть, что сказать друг другу.

– Хорошо! Я сделаю, как ты сказал, – она положила сетку с фруктами на тумбочку.

– Не надо, заberi, у меня всего хватает, лучше Мишеньке передай, ему нужнее витамины.

– Кушай на здоровье, это тебе. У Миши всё есть. Я побегу, ладно?!

– Конечно, найди его, пока ещё не поздно.

Она выскочила за дверь, а я стал молить Бога за этих двух, таких одиноких и очень дорогих мне людей.

– Эрик, что случилось? – на этот раз звук каблучков меня не подвёл, моя любовь зашла в палату. – Внезапно мимо меня пролетел Виктор, даже не поздоровавшись, а спустя несколько минут пробежала и Таня, тоже никого и ничего кругом не замечая...

– Это – атомная реакция любви. К тебе, родная, их поведение не имеет никакого отношения, – я улыбнулся, смотря на её нахмуренные брови, – может быть, именно сейчас они встретятся, чтобы найти друг друга.

* Евангелие от Матфея. (Мф. 5.33—37.)

Глава 6

Когда в очередной раз, обложившись учебниками, я изучал французский, в палату постучали. Зашёл Александр Васильевич – врач, так много сделавший для нас с Наташей.

– Как сегодня у нас обстоят дела? Что изучаем, отец? О, «Французский без труда»! Замечательно. Уж никак во Францию собрались, друг мой?!

– Именно туда меня и направляют. Хочу хоть немного успеть освоиться.

– Похвально. А теперь давайте посмотрим ваше ранение, – он снял повязку, – Всё зажило, слава Богу. И, пожалуйста, больше никакой самостоятельности, никаких залётных медсестёр на дому. Вы чуть не угробили себя, а это, господин священник, была бы большая потеря! Да, да, и не смущайтесь. Жаль, что ваши руки не могут помочь вам самому... – он вздохнул, прервав свой монолог.

Я почувствовал, что его что-то сильно гложет. В глазах всегда улыбчивого и спокойного доктора ощущалась какая-то безнадёжность.

– У Вас что-то не так, Александр?

– С чего Вы так решили?

– Вижу.

– Ничего от него не спрячешь...

– Доверьтесь, может быть, я могу чем-то помочь?

– Эрик, Вы бы сами поправились, что уж там...

– Я достаточно здоров, чтобы слушать и говорить!

Он ещё подумал какое-то время, а после сказал:

– Дело тут непростое. Лежит в соседнем отделении моя жена с отравлением. Но дело в том, что она не просто «что-то не то съела», она напилась таблеток. К счастью, я вовремя вернулся. Ирен не желает со мной разговаривать и видеть меня тоже не хочет. С коллегами удалось договориться, замаять это дело. Но что будет, когда она вернётся домой, не повторит ли начатое? Работа с психиатром пока не даёт результатов. Вы встречались с такими случаями?!

– И не раз... Давайте, я попробую!

– Как знаете, попытка не пытка. Правда, я не уверен, что она захочет Вас слушать, набожностью моя Ирен никогда не отличалась, впрочем, как и я сам. Только после встречи с Вами я почувствовал, что есть то, что не поддаётся объяснению...

Мы шли по коридору больницы, все здоровались с Александром и чуть не кланялись ему. Здесь он был Бог и Царь, незаменимый и всеми уважаемый человек. А собственную жену не смог уберечь...

– Есть что-то, что я должен знать?

– Возможно. Мы живём в разных комнатах уже несколько месяцев.

– С чем это связано?

– Так решила Ирен, устала скандалить по поводу моего вечного отсутствия, но иногда она сама приходит и набрасывается на меня словно разъярённая кошка! Я наверное, не должен об этом говорить...

– Мне можете довериться.

Он оттянул халат с рубашкой под ним и показал мне плечо, исцарапанное до крови женскими ногтями. Я только открыл рот от изумления.

Подойдя к палате, он постучал прежде, чем открыть дверь.

– Дорогая!..

Женщина сразу же отвернулась от него.

– Знаю, что ты не хочешь меня видеть, но я привёл к тебе священника, о котором рассказывал. По странному стечению обстоятельств, он тоже оказался в больнице. Прошу тебя, поговори с ним!

Ирен молчала, никак не реагируя на происходящее. Он тяжело вздохнул и, не прощаясь, вышел, оставив нас наедине. Женщина лежала ко мне спиной, её каштановые волосы рассыпались в беспорядке по подушке. Одеяло скрывало половину лица, она прикрывала им ухо, чтобы всем своим видом показать, что не хочет никого слушать. Перед моим взором предстала Агнешка, к которой я приходил в больницу ежедневно и говорил сам с собою много мучительных дней, откуда она не открылась мне.

Обойдя постель, я стал с той стороны, в которую смотрела женщина.

– Понимаю, что Вы никого не хотите видеть и, тем более, слушать. Но раз уж я здесь, давайте всё же попробуем поговорить! Меня зовут Эрик. Я – бывший католический священник... – звучало как бред. Но с чего-то же надо было начинать!

Открыв лицо, она с появившимся интересом посмотрела на меня, словно проверяя, не шутка ли это.

– Я говорю Вам истинную правду.

Потянулась ко мне, словно хотела что-то спросить, но потом передумала и снова уткнулась головой в подушку.

– Вы хотите знать, почему?

Еле заметно кивнула.

– Из-за любви. Ничего не смог с собой поделать...

Внимательно посмотрела на меня и улыбнулась.

– Ирен, – она протянула руку.

– Очень приятно! У вас редкое имя!

Моложе Александра лет на двадцать, кажется ей не больше тридцати. Красивые карие глаза, очень грустные, смотрят почти не моргая, ощущается трудный характер и чрезмерная гордыня.

– Так вот, – продолжил я, пытаясь удержать её внимание, – у меня был в жизни такой случай... – я вкратце рассказал ей историю Агнешки, внимательно наблюдая за её реакцией и поведением. Она не хотела умирать. Это точно. Попытка суицида была криком о помощи, желанием привлечь к себе потерянное внимание мужа... или кого-то ещё... В этой женщине много силы, она не опустошена, скорее разочарована, озлоблена. Через какое-то время Ирен начала сама задавать мне вопросы, а мои ответы вызывали в ней смех.

– Ну, уж нет! Монастырь... увольте! Это полный вздор!

– Что Вы, всё как раз наоборот! Монастырь – это умиротворение, обретение себя через Бога, кропотливый труд духовный и физический, успокоение, гармония, мир в душе, освобождение от тягот мирской жизни... – я улыбнулся, с грустью понимая, что неверующие люди понятия не имеют о таких вещах.

– И она осталась там добровольно?

– Да, сейчас Агнешка готовится принять первые монашеские обеты.

– И вы действительно считаете, что молодая, красивая девушка может быть там счастлива? – Ирен артистично покачала головой и зацокала языком в знак неверия.

– Более чем! При одном условии: истинной любви к Богу, жажде познания и единения с Высшими силами. Советую и Вам когда-нибудь посетить монастырь, хотя бы на пару дней, чтобы побыть в уединении и тишине, набраться духовных сил, прислушаться к себе...

– Боюсь, что понравится! – она засмеялась. – Вы хотите знать, почему я здесь? Ведь именно для этого Саша Вас сюда и притащил?!

– Нет. Если Вы не хотите говорить, то я не стану задавать никаких вопросов. Я здесь, чтобы просто поддержать Вас, выслушать, если пожелаете. Хранить чужие тайны – моя про-

фессия, и я ничего не скажу Вашему мужу. Вы можете поделиться со мной своими проблемами, если захотите, не опасаясь, что об этом кто-то узнает.

– Я не нуждаюсь в исповеди!

– Мы можем просто поговорить, если Вы этого хотите.

– Интересно, у меня такое чувство, что я знаю Вас уже давно, – она заглянула мне в глаза, приблизив своё лицо, и я почувствовал в ней неутолённую плотскую жажду. Этой женщине не нужна духовная помощь, она хочет другого. Первым же желанием было встать и уйти, но я обещал помочь...

– Вы хотите знать правду? Я живу с человеком намного старше меня, который постоянно пропадает на работе. Я же живая, молодая, красивая и полная желаний женщина, Эрик, Вы же меня понимаете?! Мне надоело делать вид верной и преданной супруги! У нас даже нет детей и уже вряд ли будут. Хотела уйти и начать всё заново, но нормальные мужики уже все женаты, и куда деваться? Подать на развод? Что с него взять?! Сашка всю жизнь отработал в районной больнице и даже подарков не берёт... Разменять нашу двушку на две однокомнатных? Тоска зелёная! Так хоть какой-то мужичок, да под боком.

– Вы никогда его не любили?

– Почему же, наверное, любила. Когда-то он спас мне жизнь. Но не о таком замужестве я мечтала! Понимаете?.. Я не знаю, что делать, мне всё опостылело, достало!

– Может стоит на время разъехаться, побыть одной, подумать и решить, как вам жить дальше?.. Я буду молиться за Вас, Ирен. Пусть Бог направит Вас и поможет найти верное решение! – благословив её, я встал, намереваясь уйти.

Но женщина схватила меня за руку, и притянула к себе.

– Ты ещё придёшь?! – она посмотрела обжигающим взглядом, от которого меня внутренне передёрнуло.

– Только, если Вы будете нуждаться в моей помощи.

– Я в ней уже нуждаюсь!.. Тебе так не кажется? – грудь её взволнованно задышала.

Скверное ощущение, будто тебя испачкали. Я вышел из палаты, мне вслед доносился её грубый смех. Стало жаль доктора, искренне жаль!

Глава 7

С трудом дошёл до своей палаты и сразу же лёг. Ощущение было такое, что у меня разрядился аккумулятор, как у машины, внезапно пропала сила, и всё... Прокручивая в голове только что состоявшуюся встречу, я размышлял о том, как помочь этой заблудшей душе. Ирен не выходила из моей головы. Не знаю, что и сказать доктору. Слава Богу, в этот день Александр Васильевич больше не заглядывал.

Когда пришла Наташа, я зарылся лицом в её шелковистые волосы и долго не отпускал, вдыхая пшеничный аромат золотых кудрей, целебный для моей души. Тяжёлые мысли не покидали весь день. Давно привыкший выслушивать и не такое на исповеди, я почему-то сильно отреагировал на слова Ирен. Что-то в ней не так... и это что-то не давало мне покоя.

Любимая видела моё состояние, но терпеливо ждала, когда я сам поделюсь с ней мыслями, однако же что я мог ей сказать, если сам не находил ответов. Да и не хотелось волновать её понапрасну, в конце концов, мне могло просто показаться...

Вечером попросил Наташу отдохнуть, ведь я не тяжелобольной, и нянчиться со мной не нужно. За окном шёл дождь и завывал ветер, а порой и град тарабанил в стекло. Я долго молился и размышлял, а когда уже собирался заснуть, в дверь тихо постучали. Всё сжалось внутри ещё до того, как в палату на цыпочках вошла Ирен. Без приглашения, без оправданий, она подкралась ко мне как кошка на мягких лапах:

– Я нашла тебя, Эрик! – томно промурлыкала женщина.

– Ирен, я не совсем понимаю, что Вы здесь делаете посреди ночи?! – попытался отрезвить её холодным тоном.

– Только не говори, что не думал сейчас обо мне! Признайся, такого желания у тебя ещё не было, священник! – она пожирала меня глазами. – Успокойся, котёнок, я не сделаю тебе больно, и никто о нас не узнает! – её руки пробежали по моей груди прежде, чем я успел поймать их и одёрнуть.

– Ирен, я прошу Вас немедленно уйти!

– Иначе что? Закричишь «помогите, насилуют»?! – она засмеялась, а в глазах мелькнул дьявольский огонь.

Вот и ответ на мои вопросы! Её разгорячённое тело буквально источало жар, и, как мне показалось, зловоние. Я ещё никогда не испытывал такого отвращения к человеческому существу. Каждое её прикосновение вызывало во мне протест. Мы молча боролись на кровати, и она проявляла недюжинную силу, что свойственно одержимым... Не хотелось причинять боль, но я вынужден был сопротивляться и пытался заломить ей руки. Передо мной была уже не женщина, я видел злого духа, поселившегося в ней.

– Неужели не хочется попробовать необузданный секс, лапочка?! Прекрати ломаться, словно девчонка! Я доставлю тебе настоящее животное удовольствие... – цепкими руками она пыталась стащить с меня больничную пижаму, у неё даже голос изменился до неузнаваемости, стал хриплым, похожим на мужской, – я всё сделаю сама, расслабься, тебе понравится! – острые ногти царапали мою кожу даже через одежду.

– Ирен, опомнитесь! Возьмите себя в руки! Неужели Вы не понимаете всю нелепость происходящего?!

– Я хочу тебя, и ты будешь моим, – её голос опять стал женским. – Ну, перестань же, глупенький, сам скажешь спасибо!..

Вытащив из-под пижамы мой нагрудный крестик я изловчился и приложил его ей ко лбу:

– Изыди, нечистый!

Она взвизгнула как ужаленная и отпрыгнула от меня, слетев с кровати на пол. Безумными глазами вращая вокруг, зашипела как змея:

– Ты сдохнешь, гад!

Я вскочил на ноги и сделал к ней несколько шагов навстречу, держа крестик вытянутым перед собой. Она вылетела из палаты и унеслась босиком, оставив у моей постели свои тапки. Завернув в пакет брошенную женщиной обувь, спрятал в шкаф.

Стоит ли говорить о том, что в эту ночь я не сомкнул больше глаз?! Да ещё и плечо сильно разболелось, потревоженное в схватке. А утром пришёл доктор и первое, что он сказал:

– Эрик, Вы-волшебник, спасибо! Я не знаю, что Вы ей сказали, но Ирен словно подменили!

Я посмотрел на него ничего не понимающим взором.

– Теперь она такая добрая и ласковая со мной! Как Вам это удалось, дружище?!

Понятно, что это очередные уловки. Она решила спрятаться за спиной мужа и получить его поддержку, чтобы мне никто не поверил.

– Доктор, нам надо серьёзно поговорить...

– Сначала посмотрим, как у нас обстоят дела, раздевайтесь! Я снял сорочку, и Александр Васильевич ахнул. – Что случилось? Бог мой, чем Вы занимались этой ночью?! – на его лице появилось недоумение.

– Послеоперационные швы разошлись, грудь расцарапана ногтями... Что произошло здесь этой ночью?

Я молча встал с постели, открыл шкаф, вытащил свёрток с тапками и протянул ему. Открыв пакет, он вообще ошеломился.

– Зачем Вам тапки моей жены?! – недоуменная улыбка проскользнула по лицу.

– Она забыла их здесь, убегая. Хотите верьте, хотите нет.

– Ничего не понимаю, объясните толком!

– Этой ночью Ирен пробралась ко мне в палату.

– Бог мой, зачем?!

– Мне неприятно об этом говорить, Александр, но она решила, что хочет заняться со мной сексом и недвусмысленно мне это предложила.

Я увидел, как он побледнел, скулы напряглись на лице, кулаки непроизвольно сжались так, что побелели костяшки.

– Если бы мне сказал это кто-то другой, он лежал бы уже с разбитым черепом!

– Александр Васильевич, ваша жена больна, душевно больна, понимаете?! Я скажу больше: она одержима! Я пытался справиться с ней, но у меня едва хватило сил противостоять, вот почему рана открылась...

– Это ложь! Я не верю! – он прожигал меня глазами.

– Вы сами говорили вчера, что на неё внезапно находит, плечо мне показывали. Сейчас она добрая и ласковая, но это только игра. Пройдёт время, и то, что в ней сидит, эта ненасытная тварь, её погубит! Мы можем помочь Вашей жене, но я не справлюсь в одиночку, мне нужен настоящий действующий священник, способный изгнать демона. У меня нет таких полномочий, я только её разозлил.

Мы смотрели в глаза друг другу. Он понимал, что я не вру.

– Нужно всё обдумать... А вот рана ждать не будет, придётся заново зашить. Дёрнул же меня чёрт познакомить вас! – он тяжело вздохнул, совершенно подавленный случившимся.

Мы прошли в процедурную. Доктор сам обрабатывал рану.

– Я не могу Вам не верить, Эрик. Подумайте, что можно сделать... Надеюсь это всё останется между нами.

– Конечно. Я всё понимаю. Не переживайте, что-нибудь придумаем. – я протянул ему руку, он крепко её пожал. – Тот, кто в ней находится, будет сопротивляться всеми силами. Заманить её можно только хитростью, и не в больнице, это может наделать много шума. Нам не нужны свидетели. В эту ночь она скорее всего опять отправится меня искать... – тут у меня

в глазах потемнело. Я увидел, как Ирен крадётся в палату, сжимая в руке скальпель. Очнулся от резкого запаха нашатыря.

– Вам лучше?

– У неё в руке будет скальпель.

Он схватился за голову.

– Это какой-то страшный, нелепый сон! У меня в голове не укладывается! И что же делать?

– Делайте вид, что ничего не знаете. А ночью придётся подежурить, но так, чтобы она не знала. Сами увидите всё своими глазами. Только не подходите к ней близко, и не пытайтесь схватить, нужно дать ей свободу уйти. Я же за это время приготовлю всё необходимое.

– Но куда же Вы в таком состоянии?

– Ничего, потом долечите! А сейчас важно попытаться спасти Ирен.

Глава 8

– Как, тебя выписывают?! Ничего не понимаю. Эрик, ты ничего не перепутал? Александр Васильевич говорил, что не раньше следующей недели! Тебе внезапно стало лучше?.. Или ты опять получил новое задание?!

Наташе не соврать, от неё ничего не скроешь, любящее сердце видит меня насквозь.

– Так надо, родная! – сказал я, продолжая собирать вещи.

– Господи, ты же ещё не поправился! – она села на мою кровать и, закрыв лицо руками, заплакала.

– Ну, ну... Девочка моя, только не это, умоляю! Я люблю тебя! Всё будет хорошо. Обещаю тебе, что потом обязательно долечусь.

– Если будешь жив?! – она ещё больше расстроилась.

– Наташенька, уверяю тебя, это не опасно!

– Где-то я это уже слышала!

Я встал перед ней на колени, взял её ладони в свои и поделился силой утешения. Слёзы высохли и умиротворение отразилось на её лице, а я подумал, как плохо, что на Ирен мои способности совсем не влияют, всё было бы гораздо проще, но до одержимых не доходит Божья благодать. Тот, кто поселился в этой женщине, полностью её контролирует. Конечно, в моей жизни встречались подобные случаи, и у монахов-экзорцистов я кое-чему научился, но двоякость моего положения на нынешнем этапе жизни лишала меня уверенности в себе.

«Господи, яви в моей слабости Твою силу! В моей немощи – Твоё Всмогущество!

В моей нищете – всё богатство Твоё, чтобы воля Твоя свершилась. Аминь.»

Наташа посмотрела на меня глазами чистыми, как безоблачное небо:

– Ты уверен, что это не опасно?

– Уверен! Мне просто нужно кое-что сделать, а потом я снова вернусь в больницу, если врач решит, что в этом ещё есть необходимость. Не волнуйся, любимая, со мной всё будет хорошо. Есть человек, нуждающийся в помощи, и если ему сейчас не помочь, завтра может быть поздно, понимаешь?! – я поцеловал жену.

Она молча кивнула и крепко обняла меня:

– Теперь мне всегда придётся жить в страхе за тебя!

– Это неправильно, душа моя, и приводит к болезням. Нужно полностью довериться Богу. Страх только притягивает то, чего мы боимся! Ты же знала, за кого выходишь...

– Эрик, прости меня! Я успокоюсь, обещаю. Просто очень перепугалась за тебя в прошлый раз! Но я привыкну, смирюсь и не буду тебя упрекать...

– Верь мне, родная: ВСЁ БУДЕТ ХОРОШО!

В палату вошёл Александр Васильевич с выпиской и рецептами. Он отдал их Наташе. Вид у него был более чем озабоченный. Он молча пыхтел себе под нос, погружённый в собственные мысли. Потом протянул мне листок с номером телефона и так же, ни слова не говоря, ушёл.

– Эрик, что это с ним? На нём лица нет! – спросила Наташа, проводив взглядом закрывшуюся дверь.

– У Александра проблемы с женой.

– Какие? Она больна?

– Да, очень... попытка суицида.

– О, Господи!

Дома я пробыл недолго, переведя дух, позвонил отцу Филиппу и попросил о личной встрече. Мы договорились встретиться в церкви перед вечерней службой. Оставалось только найти шофёра, ведь с такой рукой я не мог нормально управлять машиной. Пришлось потре-

вожить Виктора, к счастью, он был сам себе хозяин и часто работал на дому. Он согласился, и голос у него был достаточно весёлый. А это значит, дела налаживаются! – подумал я.

– Эрик, можно с тобой?! Я буду рядом и не стану мешать, только позволь мне видеть тебя, иначе я сойду с ума.

– Хорошо, поедem вместе, если тебе так спокойнее!

– Спасибо!

Наташа побежала собираться, а я устало плюхнулся в кресло. Плечо всё ещё болело. Вся эта ситуация должна была подсказать мне правильное решение. Что-то Господь хотел мне этим сказать?.. Это ранение, палаты моих близких, куда я попал, забытё, которого не помнил. Этот ребус должен привести меня к чему-то важному. Но пока всё закрыто под тёмной вуалью. Неужели ради Ирен я получил эту рану, чтобы оказаться в нужном месте в нужное время? Ответ где-то рядом, но к нему не подобраться. Пути Господни неисповедимы!

Приехал Виктор, весь цветущий и надушенный, как ландыш весной.

– С возвращением домой, Эрик!

– Спасибо, рад тебя видеть! Мы по-дружески обнялись, и Виктор нечаянно задел больное плечо, я чуть не взвыл, но кое-как сдержался. – Что у тебя нового?

– Не знаю, что ты ей сказал, но Таня меня догнала тогда. Мы долго разговаривали, потом гуляли, а потом, – он загадочно улыбнулся, приподняв бровь, – В общем она приняла моё предложение! У нас скоро будет свадьба!

– Я так рад за Вас, ребята, от всей души! – и снова объятья, и вновь моё бедное плечо потревожили.

Наташа выбежала, услышав новость, и тоже обняла его на радостях. Это почему-то меня смутило. Неужели ревную? Это на меня не похоже... и всё же, что-то заставило отвести глаза.

– Ну, что же, пора ехать, а то служба скоро начнётся, – прервал я их бурные поздравления.

– Заодно о венчании поговорю!

– Вы решили венчаться?!

– А что, только вам можно? – ответил Виктор вопросом на вопрос.

– Это же здорово! – Наташа ликовала от радости.

– Я хочу, чтоб на этот раз навсегда!.. – ответил Виктор, и отвернулся.

«Не всё было гладко в Датском Королевстве...» – вспомнилась фраза из какого-то фильма.

Мы отправились к батюшке каждый со своим вопросом. Чтобы поговорить со мной, отец отвёл меня в ризницу и закрыл за собой дверь. Я рассказал ему всё как на духу, в подробностях, чтобы он мог тоже сделать свои выводы.

– Ты уверен, что нет ошибки? Может, женщина просто плохо владеет собой, бывают же и такие...

– Уверен. Ты бы видел её реакцию на распятие! – я инстинктивно потёр больное плечо, вспоминая, как это было. – Вонь, не физическая. Мне знаком этот запах серы, – даже холод прошёл по коже.

– Хорошо, будь по-твоему! Я подготовлюсь. Только как её заманить?

– Она будет искать меня, потому что почувствовала угрозу, захочет уничтожить врага. Это нормальная для них реакция. А мы весточку ей через мужа подкинем, где я и что я...

– На живца, значит... Только где?

– У нас не могу, Наташа потом спать по ночам перестанет.

– Есть у меня одно местечко, друг дачу оставил присмотреть. Потом освятим помещение, и всё будет хорошо.

– Идёт. Пусть думают, что я сил набираюсь на природе.

– Справимся ли?.. Я ещё в подобном не участвовал.

– С Божьей помощью справимся! У меня уже есть опыт. Правда, в этом случае, всё намного серьёзнее...

Мы обсудили подробности. Потом началась служба. Для меня было огромным счастьем присутствовать на ней. Литургия давала мне силы и укрепляла мой дух. Я мечтал служить сам, но время ещё не пришло.

Глава 9

Доктор приехал чуть позже нас. В доме горел свет, для отвода глаз был включен телевизор. Говорили мы тихо, почти шёпотом. Александр выглядел бледным и очень уставшим, он провёл в больнице бессонную ночь, а утром продолжил дежурство. После короткого знакомства с отцом Филиппом, он рассказал нам о пережитом.

– Ты был прав Эрик, тысячу раз прав! Она не в себе. Я отправил медсестёр отдыхать, а сам притаился в укромном месте. Появилась она около трёх ночи, как крадущаяся кошка, двигалась почти бесшумно, как призрак, аж мурашки по коже, никогда не видел Ирен такой. Прокралась в твою палату. Я предусмотрительно запретил туда кого-то размещать, потому что ты ещё вернёшься. Через мгновение я услышал какой-то звук, похожий на рычание, она поняла, что тебя нет и рассвирепела. Была там всего пару минут, потом выбежала и пронеслась по коридору, как фурия. Зайдя в палату я остолбенел, вся подушка твоя изрезана на лоскутки, синтепон разбросан по палате, простыня разодрана в клочья, даже одеяло успела порезать... В общем, всё это до утра я успел собрать и выбросить, страшно представить, если бы там кто-то находился... – он стёр со лба выступивший пот.

– Скальпель нашёлся?

– Нет. Я пришёл, когда она уже спала, всё обыскал, нет его.

– Она его прячет... для дела.

– Почему она тебя так возненавидела?!

– Почувствовала угрозу. Я разбудил в ней дремавшее зло, и теперь эта сущность проявила себя. Ей не хочется покидать обжитый дом, ей нравится это тело, оно соответствует её желаниям и удобно для использования... Это не Ирен меня ненавидит, а то, что в ней сидит.

– Надо истребить этого паразита! Как ты себя чувствуешь? – мы незаметно перешли все на ты.

– Жить буду... Я не стал отвечать, было не до этого, в любой момент она могла появиться.

Отец Филипп сидел в кресле и молча нас слушал. Ему впервые предстояло увидеть зло в лицо... Благочестивый служитель не обладал ясновидением, но зоркая душа помогала ему распознавать людей. Мы трое были сейчас похожи на шпионов в засаде. Трое взрослых мужчин против одной «слабой» женщины, а я думал, справимся ли? И молил Господа Бога нам помочь.

Появится ли она, никто не знал и не мог гарантировать. По моей просьбе доктор, навещая утром жену, оставил в палате, якобы случайно, на минуту папки с делами больных, потом вернулся за ними. Там на моей истории болезни специально был указан этот адрес. Думаю, что Ирен не упустила момент, и подглядела. Ведь у её злости не было утешения, подушками и одеялами всё не обойдётся. Она обещала, что я «сдохну» и пойдёт ради этого на всё.

Около двенадцати я выключил телевизор, якобы, ложась спать. Поправил занавески на окне спальни, выглянул в окно, вгляделся в темноту. Она была где-то поблизости: я кожей ощутил её взгляд, мурашки пробежали по телу. Выключил свет. Умышленно оставив приоткрытым окно, сделал вид, что ложусь в постель, на самом же деле, ждал.

Александр и отец Филипп разместились по двум сторонам от окна. Мы надеялись, что летать она всё же не умеет, двери ломать тоже не станет, а окно, под которым стоит скамейка – самое подходящее для проникновения в жилище место. Проходило время, было тихо вокруг, начинала сползать на веки дремота... Приходилось бороться с накатившей усталостью. Скрипнула калитка. Тут нас всех как кипятком окатило, мы переглянулись в темноте. Глаза уже достаточно привыкли к тусклому освещению от уличного фонаря с улицы, проникавшего через неплотно закрытые шторы в деревенский дом. Послышалось шуршание гравия от её шагов во дворе, шире приоткрылось окно. С пластичностью пантеры она буквально запрыгнула в комнату, почти бесшумно, будто невесомая. Что-то, а силой тёмные сущности обладают огром-

ной. Я включил свет, когда её схватили, она завопила как разъярённое животное, неистово и громко, её крик пролетел по всей деревенской округе так, что соседские собаки залились истеричным лаем. Блеснул в ладони зажатый скальпель. Она извивалась как уж на сковороде. Скальпель с большим трудом удалось отобрать без особого ущерба для здоровья, хотя полоснуть своего мужа она несколько раз всё-таки умудрилась. Облив Ирен святой крещенской водой, мы с отцом вместе читали молитву под вопли и стенания этой твари, связанной по рукам и ногам. Александр держал её, всё время причитая:

– Ирен! Успокойся! Тебе помогут!

Она выкрикивала самые грязные слова, которые я когда-либо слышал, шипела на нас, плевалась и скалила зубы... Всё это больше походило на фильм ужасов, нежели на реальность. Отец Филипп отвернулся, чтобы взять в руки елей для помазания, я держал над ней крест, она неожиданно дёрнулась всем телом вперёд и впилась в моё раненное плечо зубами, как вампир. От неожиданности я заорал, ощутив адскую боль. После этого Александр сумел впихнуть ей в рот какую-то тряпку, давно нужно было это сделать, стало сразу спокойнее и тише. Я вообще удивляюсь, как в ту ночь соседи не вызвали полицию. Ещё несколько часов мы бились над ней, читая молитвы, пока эта дрянь не вышла, сотрясая тело Ирэн в конвульсиях, вместе с рвотой. Мы смогли перевести дыхание, все мокрые от пота.

Хуже всех конечно, пришлось бедному доктору. Он воочию увидел лицо зла в собственной жене, которую любил... Измученная женщина плакала, связанная на полу. Дали ей попить святой воды. Реакции больше не было. Она жадно пила святую воду. Развязали ей руки и ноги. И увидели совсем другие глаза, испуганные, недоумевающие, растерянные. Ирен дрожала всем телом в мокрой от святой воды одежде беззащитная и по-человечески слабая.

– Где я? Саша, что происходит?... Кто эти люди?

Он не отвечал всё ещё находясь в состоянии шока.

– Я помню Вас, – она взглядела в моё лицо, – Боже, как стыдно!..

Глава 10

Наташа ожидала меня в больнице, дремала в кресле, подложив под щёку ладошку. Как только я приблизился, она очнулась, вскочила и крепко обняла своего непутёвого мужа, что лишает её сна и покоя.

– Слава Богу, миленький мой! С тобой всё хорошо? Ты не ранен?

– Солнышко, не нужно так бояться, всё со мной замечательно... – пришлось ей рассказать, как и что произошло. Конечно, про укус в раненное плечо я промолчал, всё остальное, так или иначе, необходимо было объяснить. Расцарапанную грудь и руки от жены не спрячешь.

Бедная моя девочка, с такой отчаянной любовью переживает за меня, что становится страшно за её сердечко. Так хочется сказать ей, что нельзя любить человека так сильно, никто из нас не достоин таких чувств и переживаний! Но я сам точно так же люблю её и не могу с собой совладать! Мы черпаем силу друг в друге, в вечном стремлении к единению душ.

Лишь к утру удалось уговорить её пойти домой и как следует выспаться, я и сам тут же провалился в сон, покуда не пришёл доктор.

Александр Васильевич был на удивление бодр и полон сил.

– Дорогой мой, как же я тебе признателен, Эрик! – он крепко пожал мне руку. – Теперь я вижу прежнюю Ирен, которую полюбил когда-то. И всё благодаря тебе! Всегда говорил: вовремя выявленная болезнь лечится успешно. В физиологии я бы и сам разобрался, а вот души... это не по моей части. Отец Филипп тоже очень помог! Нужно как-то отблагодарить его. А сейчас займёмся тобой, – он привычным жестом оторвал пластырь и ахнул: – Волчица! Хуже, дьяволица! Укусить человека за рану, знала, где будет больнее... Что же ты молчал всё это время?!

– Да, болит и болит. Вам тоже нужен отдых.

– К счастью, кроме нас никто этого не видел... Персонал я предупрежу, что буду сам заниматься твоей перевязкой, – он обработал раствором края раны, а в середину наложил какую-то пахучую тёмную мазь. – Ума не приложу, чтобы мы делали без тебя! В лучшем случае Ирен бы закончила свою жизнь в психиатрической лечебнице, в худшем – ещё бы и натворила бед... Ты помог спасти не только её душу, но и нашу семью, герой! – новый стерильный пластырь с марлей лёг на измучившую меня рану.

– Александр, мы сделали это вместе.

– Да, но идея-то была твоя, и ты единственный, кто заметил и всё понял! Одного не понимаю, почему эта тварь хотела покончить с ней, если ей было хорошо в теле Ирен?..

– Ты имеешь в виду попытку суицида?

– Да, именно.

– А вот тут, как раз, действовала сама Ирен в отчаянной надежде освободиться от того, что ею управляло, не видя другой возможности прекратить этот кошмар. Одержимая душа испытывает адские муки, ведь свет Любви Господней больше не доходит до неё. Она живёт в полном мраке и отчаянии... Только представь себе это! Чтобы вырваться к свету, она готова на всё, даже прервать своё земное существование. Очень многих пациентов психиатрических больниц можно было бы легко вылечить просто приведя на отчитку к специалисту. Есть монастыри, где справляются с самыми трудными случаями, я был в одном из них.

– Правда? Тебе тоже нужна была помощь?

– А вот этого, как раз, никто не знал. Хотели проверить откуда приходят мои видения... – я замолчал, не хотелось углубляться в рассказ о своих способностях.

– И что проверили?

Я кивнул в ответ и отвёл глаза, не желая продолжать эту тему. Александр сразу всё понял и тактично перешёл к другому вопросу:

– Как же от этой дряни защититься?

– Постом и молитвой, сакраментальной жизнью через таинства, дарованные нам Господом. Нет и не придумано ещё других советов. Церковь на земле для того и создана, чтобы защищать, исцелять, помогать человеку обрести благодать, найти путь к Богу...

– Придётся заглянуть нам с женой к Филиппу!

– Это было бы очень хорошо! В Евангелии сказано: «Когда нечистый дух выходит из человека, он скитается по безводным местам, ища покоя, и не находит его. Тогда он говорит: «Пойду и возвращусь домой, туда, откуда я вышел». И когда он возвращается, то находит дом незанятым, чисто выметенным и убраным. Тогда он идет, берет с собой семь других духов, еще более злых, чем он сам, и они поселяются там. И состояние этого человека становится хуже, чем оно было раньше...»* Помоги Ирен заполнить свой дом духом Божиим, и тогда нечего будет бояться! Как она теперь?

– Всё время плачет. Вспомнит что-то и снова в слёзы... Всё просит у меня прощения. Жаль её и страшно, чтоб опять чего-нибудь не натворила от рассказания.

– Слёзы очищают и утешают душу. Я могу к ней зайти?

– Захочешь ли?!

– Саша, мне ли не пожалеть «заблудшую овцу»?!

– Хорошо, но прежде давай позаботимся о твоём здоровье... Повязка не жмёт? Удобно? До сих пор не верится, что я всё это видел собственными глазами! Уму непостижимо!..

* от Матфея 12:43—45

Глава 11

«Милость и истина сретостеся, правда и мир облобызастеся.
Истина от земли возсия, и правда с Небесе приниче,
ибо Господь даст благодать, и земля наша даст плод свой.
Правда пред Ним предъидет, и положит в путь стопы своя.» (Псалом 84, 10—13)

Меня разбудило неистовство стихии за окном. С порывами сильного ветра град ударялся о стёкла и, казалось, что оконные рамы не выдержат. Сон ушёл, тщетно коротать время, просто закрыв глаза. Протянул руку и взял с тумбочки чётки, поцеловал крестик, и, читая молитвы, начал перебирать бусину за бусиной Розарий. К концу молитвы ветер стих, словно ничего и не было. Иисус вновь успокоил бурю...

На часах около трёх ночи. В больнице тихо, теперь даже слишком, как будто под землёй. Я ни о чём не просил Бога, но Он слышит наши сердца, обращённые к Нему, всегда чуткий и внимательный к любящим Его. «Господи, пусть ничто не потревожит сон моих девочек этой тёмной ночью.» Наташа и Эрика дома одни. Так хочется сейчас очутиться рядом, прижаться к любимой жене.

Запрещённый в служении, освобождённый от обязательств бывший католический священник, лежу во мраке больничной палаты и думаю о том, как дальше жить. Перед моим взором перекрёсток. Как там в сказке было? «Направо пойдёшь – коня потеряешь, налево пойдёшь – головы не снесёшь...»

Всё оттягиваю время отъезда, не решаясь сделать следующий шаг. Теперь у меня – семья и ответственность за неё. Наташа не хочет уезжать, я вижу это в её грустных взглядах, в заламывании пальцев и невольных вздохах, когда речь заходит о Франции. Теперь, когда она имеет всё, о чём мечтала, разлука с близкими кажется особенно тяжёлой и бессмысленной. Я прислуживаю в храме по воскресеньям как простой стажёр-семинарист. Вспоминаю, как это было когда-то, и ведь не был же удручён или сконфужен, самое важное – быть с Господом в любом возможном качестве, служить Ему...

Во Франции нас ждёт неизвестность. Даже с рекомендательным письмом-просьбой, написанным архиепископом, никто не гарантирует, что всё пойдёт как по маслу и сразу устроится. Здесь у нас дом, близкие, друзья, родители Наташи; там – новая страна, новый язык, всё новое – ничего привычного... Уверенный в том, что жена поедет за мной хоть на край света, я не могу гарантировать, что она будет счастлива там и не станет тосковать по родным. Да и начинать придётся в любом случае одному. Снять комнату в Париже, даже самую крохотную дорого, что уже и говорить о семье на первых порах?! Сколько продлится учёба? Год, два, больше?..

Ранение даёт мне время подумать. Чтобы не совершать необдуманных поступков, нужно чётко осознавать, в каком направлении двигаться, и отдавать себе отчёт в том, куда это приведёт. Теперь, когда с прошлым покончено и назад дороги нет, остаётся идти только вперёд.

Вспомнился приход в маленьком польском городке, таком по-семейному уютном, где каждый знает соседа и земляка... Наставник, оберегавший меня как родного сына, порою строгий, но всегда справедливый и любящий словно настоящий отец. Его не стало. На смену пришёл только что «оперившийся» после семинарии Юрис, показавшийся мне взбалмошным и говорливым как сорока... Как же я его тогда не разглядел, поглощённый любовными страданиями?! Теперь любимая со мной – моё счастье и радость, но нет всего того, к чему я так стремился, чего усердно добивался долгие годы. Я отлучён от служения. И хотя, благодаря данным мне Богом способностям, всё равно могу вершить добрые дела, моя жизнь изменилась.

Нужно решать, что делать дальше, в каком направлении двигаться? «Господи, укажи мне путь! Я приму волю Твою. Только дай узреть, где стезя моя?!»

Перекрёсток судьбы: там есть одна единственно правильная дорога и одно единственно верное решение, стоит перед моим взором и ждёт, когда я сделаю выводы о том, «куда направить стопы своя»...

Глава 12

– Ты уверен?

– Да.

Мы вошли в палату. Ирен, сжавшаяся калачиком лежала на кровати. Услышав чьи-то шаги, она повернулась. Лица, красного и опухшего от слёз, не спрячешь. Александр нежно поцеловал жену, огорчённо вздохнул и оставил нас наедине.

– Мне стыдно смотреть Вам в глаза, отец. Я всё вспомнила. И теперь мне хочется провалиться сквозь землю, куда-нибудь прямо в ад, где мне самое место.

Молча протянул ей руку. Она несмело протянула мне холодную беззащитную ладонь. Сила утешения благодатным ручейком потекла от сердца к сердцу.

– Я хотела вас убить... – губы Ирен дрожали.

– Это были не Вы, и мне это хорошо известно.

– Сколько бы ещё я натворила бед, если бы...

– Не думайте об этом! Нельзя впускать в свою душу отчаяние, не давайте силам зла больше шанса проникнуть в Вас. Оставьте покаяние для исповеди. Я пришёл не для этого, а как друг, просто хочу поддержать Вас.

Её дрожь постепенно проходила, душевная боль притуплялась, взгляд становился всё светлей и умиротворённой.

«Главное – не переборщить, как тогда с Виктором перед свадьбой.» – я улыбнулся от этой мысли.

Ирен увидела моё выражение лица и стыдливо опустила глаза.

– Вы прощаете меня?!

– Разве есть за что?

Её рука всё ещё лежала в моих ладонях, послушная и робкая, как птенец.

– Мне бы хотелось исповедоваться, Эрик, Вы ведь священник?!

– Беда в том, что я сейчас нахожусь под запретом и не имею права исполнять таинства, отпускать грехи. Но я знаю очень хорошего священника, который Вам с радостью поможет. Отец Филипп найдёт для Вас нужные слова.

– Священник, что присутствовал тогда?.. – её щёки стали пунцовыми, а на глазах вновь появились слёзы. – Господи, как же мне стыдно!..

Я от всей души обнял её и, прижав к груди, дал выплакаться. Когда буря раскаяния улеглась, она подняла голову и заглянула мне в глаза. В этом взгляде было так много благодарности и благоговения. Цвета молочного шоколада радужка источала мягкий и тёплый свет. Не было там больше ни зла, ни обиды, ни горькой ненависти ко всему миру. Любовь мощным потоком наполнила мою душу, как водопад, нисходящий с небес, смывая на своём пути всё ненужное чистым потоком кристальной живительной влаги. Я смотрел на эту женщину так, как смотрит на нас Господь и не видел в ней изъянов. Она, прощённая небесами, очищенная и освобождённая, стала поистине прекрасна. Мы оба молчали, объятые этими непередаваемыми чувствами чистой и безграничной Божественной любви, в которой нет места ни желаниям, ни самости.

– «Пусть прошлое хоронит своих мертвецов...» Всё, чем мы владеем, это – данным моментом. Уроки, которые преподносит нам жизнь, нужно принимать с благодарностью, но не отчаиваться. Господь всегда оставляет для нас возможность вернуться в Его объятия и начать всё с начала. Никто не может тащить за собой весь груз своих падений, всего пройденного за жизнь... Приходит момент истины, когда необходимо перевернуть страницу и отпустить прошлое ради того, чтобы сделать шаг в будущее. С нами остаются выводы, которые мы извлекли из пережитого, – наше нетленное сокровище. Когда мы научимся так поступать, станем счастливыми. Чтобы взлететь выше, нужно сбросить балласт, иначе не подняться в небо.

Чтобы Христос вознёсся, его тело должно было стать иным. Иначе без крыльев вознестись невозможно. Стать лучше, чище, добрее – вот цель каждого из нас, то, ради чего мы приходим на эту бrenную землю, собирая по крупицам свой опыт, получая уроки, выполняя свои «домашние задания», сдавая экзамены, раз за разом, покуда не усвоишь науку бытия. С собой мы заберём лишь выводы, ведь ради этого и решались сложные задачи... Что было – прошло, Ирен. Перед Вами открылся новый, прекрасный, духовный мир. Важно, чтобы в сердце жила вера, а вместе с нею надежда и любовь. Всё очень просто. И не нужно больше слёз!

Она кивнула, продолжая смотреть на меня влюблёнными глазами. Я улыбнулся её молчаливому согласию.

– Итак, начинаем всё с чистого листа! Теперь только от нас зависит, что мы запишем в книгу жизни. Не бойтесь, подсознание несёт в себе всю информацию о прошлом, которой можно воспользоваться в любой нужный момент. А впереди у нас долгая и интересная дорога, порой тяжёлая, болезненная, но такая необходимая и бесконечно увлекательная. Главное – быть внимательным и зорким к тому, что происходит вокруг и внутри нас, содержать душу свою в чистоте и устремлять её к Богу. Ведь только в свете Его любви нам удаётся разглядеть истинную сущность того или иного события, сделать правильные выводы, найти верное решение, узнать, куда двигаться дальше...

Часть 2

Глава 1

Я возвращаюсь домой! Какое блаженство знать, что есть куда вернуться и там ждут тебя!..

Рана уже почти не тревожит, я полон сил и очень хочу сделать что-нибудь невероятное. Мой внутренний голос зовёт меня поверить в чудо, более того, он говорит, что я могу совершить его. Буду послушен и доверюсь как всегда, а там будь что будет, если на то есть воля Твоя.

Разложив свои вещи, крепко обнял жену и попросил её одеться потеплее, чтобы поехать со мной на прогулку. Наташа, увидев огонь в моих глазах, не стала сопротивляться. Мои странности были ей уже хорошо знакомы: я мог сорваться неизвестно куда в любой час дня или ночи. И то, что на этот раз мы едем вместе уже радовало.

Нужно отдать должное терпеливости моей супруги! Кто ещё способен был бы понять ведомого таинственными голосами человека, который при всём этом ещё умудряется получать травмы, как это случилось в последнее время.

Моё сердце горело желанием отблагодарить любимую. Я отвёз её за город, что называется, в чисто поле. Наташа с недоумением посмотрела на меня.

– Что мы здесь будем делать?

– Доверься мне! – я вышел из машины, открыл дверцу, взял её за руку и ещё раз повторил, – просто доверься!

Мы долго шли к центру ровного, покрытого скошенной травой поля. Я бы нёс её на руках, но пока это было невозможно. Внутренних сил во мне гораздо больше, чем физических.

Нас окружает поздняя осень, самый конец ноября. Ветрено и холодно. Пожухлая трава шелестит под ногами. Голые деревья качают обнажёнными ветвями, словно приветствуя приближение скорой зимы – сладостного белого сна, который будет грезиться им до весны. Облака бегут по небу важные и тяжёлые, словно беременные снегом или дождём. Солнце то выглядывает, то исчезнет, продолжая свою любимую игру в прятки с землёй.

– Посмотри на небо!.. – мы оба остановились и запрокинули головы, – ощути, как плывут облака: вечное движение, неподвластное нам, оно было до нас, останется и после...

– Эрик, смотри, это облако похоже на слона! А теперь от него отделился хобот...

– Да, и теперь это как рычащий лев, а вот то, левее, будто дракон...

Мы стояли, увлечённые этой игрой, как в детстве, и я испытывал огромное счастье. Я держал Наташину ладонь в своей ладони, ощущая каждой клеточкой тела. Любимая увлеклась воздушным зрелищем, а я тайком любовался ею.

Момент приближался, и сердце возбуждённо застучало в груди. Огромная тёмная туча быстро приближалась к нам, волоча своё огромное брюхо, вот-вот готовое разродиться непогодой. Ветер усилился, мрачная тень накрыла землю.

– Эрик, по-моему, будет дождь, а может даже снег... нам пора бежать к машине!

– Не бойся ничего, просто смотри!

– Не хотелось бы промокнуть до нитки, ты только после больницы.

Сквозь тело прошла вибрация, подобная мощному электрическому разряду, и я сказал взволнованно:

– Верь мне!..

Начали падать первые капли на землю. Вглядываясь в самое тёмное место на туче, я мысленно приближался к нему, создавая туннель, проходящий сквозь толщу влажного ледяного препятствия. Энергетическая воронка, подобная смерчу, поднималась от меня к солнцу.

Я был там (при этом оставаясь на земле) ощущал вой ветра и силу сопротивления, продвигаясь ввышину, туда, за грань облаков, где всегда чистое безбрежное небо...

И это случилось! На земле шёл дождь. Он шёл везде вокруг, но нас не касался. Над нами был виден маленький островок голубого неба, сквозь который проникали яркие лучи солнца, словно прожектор.

Наташа онемела от этого зрелища. Я сам как замороженный смотрел наверх в радужную игру потока света и вспоминал картинку из Детской Библии, которую читала мне в детстве мама. На ней был изображён сюжет: Адам и Ева в райском саду говорят с Господом, и на них ниспадают точно такие же лучи сквозь разорванные облака.

Дождь шёл плотной стеной вокруг, а мы продолжали стоять, совершенно сухие в центре поля, и земля под ногами оставалась сухой. Туча, словно разрезанная на две половины, обиженно унеслась восвояси. Наташа опомнилась и посмотрела на меня огромными от удивления глазами.

– Эрик, это чудо! Ты хоть сам понимаешь?! – она от волнения не находила слов.

Ветер стих. Природа словно не могла понять, что же такое только что случилось?..

– Пойдём, родная, а то замёрзнешь!

Жена крепко обняла меня, прижавшись лицом к моей груди...

– Спасибо тебе!

– Не мне, Господу!

– Богу прежде всего... – она подняла лицо, вглядываясь в меня лазурными осколками неба, а я любовался ею и думал: «Если и есть на свете чудеса, то их способна сотворить только любовь!»

Глава 2

Звонок от Марика был неожиданным. Мой польский номер сотового уже давно не работал, а новый телефон знали не все. Видимо, Марик обратился к Юрису.

– Ойтец, будь добр, разреши мне приехать и побыть с тобой рядом какое-то время! Мне очень плохо. Мама больше нет... – голос сорвался, ему было трудно говорить.

– Конечно, Марик, приезжай. Мы с женой будем рады.

Объяснил ему, где мы живём, и как нас найти. Он собирался приехать на мотоцикле, я попросил его беречь себя и благословил в дорогу.

Долгая и тяжёлая болезнь мамы сделала парня совсем взрослым, и вот теперь он остался один. Как перст. Нужно ли говорить, насколько он нуждался сейчас в поддержке?! Даже если бы я жил во Франции или, скажем, в Африке, он всё равно бы приехал.

«Помяни Господи душу новопреставленной рабы твоей Марии...»

– Эрик, что-то случилось?

– Да, моя хорошая, умерла мама одного близкого мне человека. Она долго болела, и вот, это случилось. Нужно помолиться за неё.

– Не буду мешать.

– Ты не мешаешь, наоборот... – я прижал жену к сердцу, – Марик приедет к нам, ему нужна поддержка.

– Я буду рада, только где мы разместим нашего гостя?

– Поверь мне, он непритворен, думаю, что дивана в гостиной будет ему предостаточно.

– Но удобно ли?..

– Есть ещё раскладушка. Не беспокойся, устроим.

– Хорошо, – она провела тёплой ладонью по моему лицу, и наши губы соединились.

Я был так счастлив, вернувшись домой. Мы никак не могли насладиться друг другом. Нежность вскипала горячей волной, вновь и вновь захлёстывая наши души. С трудом прервав долгий поцелуй, мы перевели дыхание.

– Сколько ему лет? – Наташа поправила мои взъерошенные волосы.

– Около двадцати, я точно не знаю.

– Он один из твоих прихожан?

– Нет. Это давняя история, мне кажется, я тебе рассказывал, мы познакомились на мосту, парень хотел свести счёты с жизнью, но мне удалось его переубедить. С тех пор мы часто встречались. Я был у них, когда у мамы только обнаружили рак...

– Да, я помню, ты рассказывал. Мне очень жаль...

– Увы, всем нам, рано или поздно, придётся умереть, – мы вместе тяжело вздохнули. – Тебе Марик понравится, я уверен.

– Важно поддержать мальчика в этот скорбный час... Давай помолимся за него вместе.

Глава 3

Мы ждали Марика ближе к вечеру. Я всё думал о нём, как он там, так долго в дороге, на мотоцикле в такую непогоду?.. «Господи, спаси и сохрани!»

Устроили генеральную уборку, вместе приготовили вкусный обед, и как только сели за стол трапезничать, неожиданно раздался звук подъезжающего мотоцикла. Я выглянул в окно: «Нет, не ошибся, точно он! Не может быть, чтоб так быстро!..»

Выбежал во двор.

– Как, уже? Марик, дружище, даже не верится! Ты наверное не ехал, а летел? Признавайся!

– Ойтец, нет быстрее птицы, чем мой железный конь!.. – он улыбнулся, похлопав байк, от которого всё ещё исходил горячий пар. В руках Марика была каска, а по кожаной куртке стекали капли дождя...

– Ты гнал без отдыха?! Как неосмотрительно, сын мой! Не загнал вороного? – улыбнувшись, мы крепко обнялись.

– Накрыть бы его... – Марик с любовью посмотрел на свой пауэр-круизер, как на живое существо.

– Сейчас что-нибудь придумаем. Заходи, не стой у порога! Я помог снять ему со спины рюкзак и тяжёлую, намокшую, кожаную куртку.

Наташа встретила гостя тепло, они пожали друг другу руки.

– Знакомьтесь: любимая, это – Марик! Марик – моя жена Наташа! – я представил их на разных языках. Они обменялись любезностями, я перевёл. Хорошо, что ещё не забыл польский, постепенно он стал вытесняться французским, который я изучал с большим рвением последние несколько месяцев.

Первым делом мы усадили парня за стол и накормили. Он был совершенно измотан и стал засыпать на наших глазах, «клевая носом в тарелку», уговорили его лечь отдохнуть. Я постелил раскладушку в комнате Эрики, временно пустующей в отсутствие хозяйки.

Марик лёг, пробубнив мне слова благодарности и тут же заснул.

– Мальчик совершенно выдохся! – протирая чистую посуду полотенцем, вздохнула Наташа.

– С ума сойти, он ехал всю ночь!

– Ага, вспомни, каким ты появился тогда!.. – по её лицу пробежала грустная улыбка.

– Да, я тоже гнал без остановок, а потом долго не решался войти, пока не промёрз до мозга костей!..

– Почему?! – Наташа убрала с лица упавший на глаза локон таким привлекательным жестом, что по мне пробежала горячая волна.

– Не знаю. В последнюю минуту растерял всю решимость. Подумал, что в твоей жизни уже нет для меня места... Просто стоял во дворе и смотрел на окна вашего дома. Как сейчас помню, шёл мокрый снег с сильным ветром, а я всё медлил и не понимал, что я здесь делаю? Как посмел нарушить твой покой...

Растроганная, она подошла и обняла меня нежно и ласково. Печальные воспоминания рассеялись, стало светло на душе. Уткнувшись лицом в её упругую грудь, я стиснул мою ненаглядную в объятьях.

– А я так ждала тебя! Мальчик мой, как недавно и как давно это было, словно в другой жизни!..

– Так и есть. Теперь у нас новая жизнь! – я попытался подхватить её на руки, но Наташа возмущённо запротестовала:

– Эрик, прекрати, ты ещё не поправился!

– Достаточно, чтобы отнести тебя в спальню...

Я осыпал поцелуями её лицо, шею, волосы, вдыхая до одури пьянящий запах любимой женщины и думал о том, что нет никого в мире счастливее нас. Надо ли говорить, что было потом?.. Я люблю её каждой клеточкой своего тела, всеми фибрами моей пылающей души. Этой жажде нет конца и утоления. Пока мы живы, мне всегда её будет мало. Этот огонь не потушить. Он сильнее нас.

{ Сплетение ног, сплетение рук, слияние глаз...

И на груди моей сверкает, как алмаз

Твоя слеза, упавшая в ночи.

Ты не молчи, прошу, родная, не молчи!

Слияние душ, слияние тел, сияние глаз...

Лавина нежности, бушующая в нас.

Рассвет далёк, а ты в объятьях так близка,

И вечность раздвигает облака... }

Глава 4

Утром, когда мы уже позавтракали, Марик проснулся и вышел на кухню.

– Доброе утро!

– Доброе! Как отдохнул? – спросил я, улыбаясь.

– Сколько же я спал? – он почесал затылок, пытаясь вспомнить.

– Часов восемнадцать, не меньше! – мне хорошо знакомо это состояние, я часто, проснувшись, силюсь вспомнить, что было вчера, чтобы восстановить картину существующей реальности, особенно часто это бывает от переутомления.

– Садитесь за стол, пожалуйста! – Наташа поставила на стол ещё одну тарелку, придвинула гренки.

Марик сел, взъерошенный, похожий на большого ребёнка.

– Что будете пить: чай, кофе? – я ощущал, как она ещё стесняется присутствия малознакомого человека.

– Herbata, kawa? – я перевёл.

Марик улыбнулся тоже немного смущённо и попросил кофе покрепче. Всматриваясь в его изменившиеся за это время черты, я с трудом находил в нём прежнего ранимого юношу. Болезнь и смерть мамы, работа, которой он занимался по вечерам, разгружая фуры, – всё это отпечаталось на его лице и фигуре и, несомненно, на характере, сделав ещё более взрослым и крепким физически.

– Ойтец, как ты тут в новой жизни? Не скучаешь по Польше? – его глаза были грустными, а вопрос много значил для него.

– Некогда скучать, Марик, хотя мне вас очень не хватает. Юриса... как он там?

– Хорошо, не унывает. Ты же знаешь, как много у них забот, я пробыл там целый день перед отъездом, так даже и не поговорили с ним толком, – рассказывал Марик, уплетая гренки. – Крутится как белка в колесе. Теперь ему ещё один приход обслуживать надо, помнишь деревеньку неподалёку, забыл название, там тоже старый ксёндз скончался. Старики умирают, а замены им нет. Кто сейчас о семинарии думает? Молодёжь деньги интересуют, поразъехала на заработки по Европе: кто в Германию, кто в Англию рванул... В общем, куда Бог пошлёт, а я, вот, к вам.

– Молодец, что приехал!

– Не стесню?

– Ты мне как родной, Марик, у нас всегда найдётся место для хорошего человека.

Наташа только слушала нас, перебегая взглядом от меня к Марику и обратно.

– Юрис сказал, ты ранен был?! У кого же рука поднялась?! – он с возмущением поднял на меня глаза, ожидая ответа, словно хотел поехать разобраться с виновным.

– Ничего страшного. Шальная пуля зацепила.

Наташа в этот момент горько вздохнула, словно поняла, о чём наш разговор.

– Это уже интересно!

– Потом, как-нибудь тебе расскажу.

Марик шумно вздохнул.

– Всё людей спасаешь?!

– Судьба такая. Давай лучше о тебе поговорим...

– А что обо мне, ты и так всё знаешь. Мама лежала последнее время, больше не вставала совсем. Измучилась она с этой болезнью. Мне приходилось работать, чтобы лекарства оплачивать, учёбу забросил, на двух базах устроился. Хорошо, соседка помогала, приходила её покормить, а вечером мы вместе мыли маму... – он шмыгнул носом, пытаясь скрыть захлестнувшие эмоции, но не смог, глаза наполнились слезами.

Я взял его за руку, и энергия потекла тонкой струйкой в огненные раны души студёной водой.

– Всё будет хорошо, Марик, ты не один...

Наташа сочувственно вздохнула:

– Бедный мальчик!

– Спасибо, что разрешили приехать, мне сейчас одному не справиться. Всё напоминает о... Подписал бумаги на продажу дома и сбежал. Хочу разобраться в себе, научиться жить дальше, и лучше тебя мне никто в этом не поможет! – он крепко сжал мою руку.

– Я рад, что ты здесь!

– Благодарю, ойтец! И Вас, Наташа, благодарю! Было очень-очень вкусно!

Я перевёл, Наташа растроганно улыбнулась в ответ:

– На здоровье!

– Хочешь что-нибудь ещё?

– Нет, спасибо, я наелся.

Мы прошли с ним в зал.

– Сегодня поедem за дочкой к Наташиным родителям, ты с нами?

– С удовольствием, хочу узнать твою семью.

– Да, а ведь совсем недавно у меня никого и не было, я, как и ты, рано осиротел. Теперь вот большая семья, скоро сам всё увидишь!.. И у тебя, Марик, всё обязательно наладится!

– Когда мне это говоришь ты, я верю. Помнишь, Эрик, ты мне сказал тогда на мосту, что только через несколько лет я встречу свою женщину?

– Помню.

– Ты тогда правду говорил?.. Долго мне ещё ждать? – он понизил голос почти до шёпота, словно нас кто-то мог услышать и понять.

– Я говорил тебе то, что чувствовал в ту минуту. Ты пойми меня правильно, это же не инструкция какая-нибудь и не прогноз. Я сам вижу только то, что мне дают видеть. никоим образом не умею переноситься в будущее и не заглядываю вперёд. Что будет во многом зависит от нас самих: от поступков, выбора, решений... Каждый твой сегодняшний шаг определяет завтра. И то, что верно было для тебя тогда на мосту, может быть уже неверно сейчас. Ведь ты же изменился, многое понял, пережил, столько горя повидал... Не забивай себе голову понапрасну. Всё случится тогда, когда суждено. Ну, а чтоб такой красивый парень в одиночестве остался, так это из области фантастики вообще!

Мы оба засмеялись.

– Посмотри на меня: я считал, что моё будущее предопределено, выбор сделан единственно правильный, как мне казалось... И что? Любовь взяла своё. И всё изменилось. Поэтому, не строй себе планов, не ставь сроков, живи внимательно и не пропусти свой шанс, который Бог тебе обязательно пошлёт. Люди иногда придумывают сами себе программу, а делать этого не стоит. Нужно жить сейчас и сегодня, и концентрировать своё внимание на текущем моменте, а не на том, что будет... Думая только о будущем, можешь пропустить что-то очень важное уже сейчас, а завтра оно уже останется в прошлом...

– Я понимаю, о чём ты.

– Знаешь, чем страшны гадания? Ты приходишь к цыганке, заранее веря в то, что она знает правду о твоём будущем. Она предсказывает тебе что-то. И это устанавливается в твоё подсознание как программа к действию... Итог неизбежен. «Цыганка была права!» – делают вывод люди. А на самом деле, ты сам запустил чужую мысль себе в подсознание. Запомни: ты, а не кто-то другой должен управлять собственными мыслями. А сила мысли огромна! Только мы всё время забываем об этом.

– Но ведь существует судьба?!

– Существует время, определённое тебе на жизнь. Воля Божья, которую мы не всегда понимаем и принимаем... всё остальное мы создаём сами. Бог не глух к просьбам, нет! Он – это Любовь! И если в тебе есть вера, ты можешь много выпросить у Него, изменить ход событий. Главное – не заплывать жиром бездействия и довольства. Ты – сам творец своей жизни и в ответе за то, какой её создаёшь. Есть моменты, неподвластные нам, таким образом Бог тебя направляет, указывает на то, что является важным, чего ты не понял и не осознал или сделал не так. Неисправимые моменты нужно принимать как точку отсчёта чего-то нового.

– Например, смерть?

– Уход близкого человека всегда меняет наш взгляд на жизнь, на весь этот мир, через скорбь потери заставляет задуматься о бренности бытия. И ты понимаешь: прежнего уже не вернуть, нужно идти дальше, и слезами горю не поможешь. Нужно принять случившееся как данность и отпустить, чтобы жить... Боль воспитывает душу. Она дана, чтобы мы осознали вечные ценности. Нужно пережить её, выдержать и идти вперёд. Ты потерял маму. Я тоже осиротел. Мы и сами уйдём. Это всё неизбежно. Но пока ты жив, ещё есть время что-то сделать, чего-то достичь, кому-то помочь, что-то исправить... Жизнь уходит ежесекундно, как в песочных часах, крупинка падает за крупинкой, а мы забываем об этом, а ведь бытие – величайший дар Бога! На тебя затрачены огромные силы: создана твоя бессмертная душа, тело – физическая материя, данная на время, если можно так выразиться. А людям свойственно отождествлять себя исключительно с этой самой оболочкой, тогда как главное остаётся незамеченным.

Марик внимал с большим интересом, собственно ради этого он и приехал, чтобы послушать меня, сделать свои выводы, нащупать почву под ногами... А я продолжал свой долгий монолог:

– Наши мамы исполнили своё предназначение, прошли земной путь и вернулись в Вечный Дом Любви. Мы ещё обязательно встретимся... Живи этой мыслью, не отпускай её. Не допускай в сердце сомнений и не занимайся самобичеванием. Именно они губят нас, эти черви зла, проедая дыры в нашей вере, приводят к отчаянию. Иллюзия реальности – вот самая большая из всех существующих иллюзий! Мир вокруг нас существует в данный момент времени. А есть мир безвременный – вот в чём настоящая реальность. Жизнь – это путешествие во времени и, как любое другое, оно однажды заканчивается. Бесконечность – совсем другое. Только представь себе это, и тогда можно пережить всё. Когда-то ты стоял на мосту из-за выдуманной любви, потерпевшей крах, и чуть не предал любовь вечную... Бог послал меня к тебе, чтобы не допустить этого. Потом ты многое понял. А сколько ещё предстоит осознать?!

Время идёт, отсчитывая минуты, тикают часы на стене: тик-так, тик-так, тик-так...

Глава 5

– Я не помню моего папу, он бросил нас, когда я был ещё маленьким. Но с тех пор, как в моей жизни появился ты, Эрик, кажется, я начал понимать, что такое отец...

– Разве может быть что-то дороже этих слов? Лучшей похвалы священнику не услышать. Спасибо, Марик, я очень тронут!

– Знаешь, если бы у меня была такая возможность, я бы пошёл за тобой хоть на край света, как ученики ходили за Иисусом, честное слово! Когда ты уехал, для меня многое потеряло смысл. Костёл опустел, как будто ты увёз вместе с собой возможность увидеть Бога... Я не знаю, как это объяснить. Юрис тоже хороший священник, но он не такой, как ты...

– Не говори так, прошу тебя! Бога можно узреть в любом человеке, в ком-то больше, в ком-то меньше, но Он присутствует в каждом из нас. Господь доступен всем своим детям. Просто когда на ком-то особенно ярко отражается Его небесный свет, нам в это легче верить. Мы все, как сообщающиеся сосуды, передаём друг другу то, чем наполнены. На самом деле во мне нет ничего сверхъестественного. Вера и любовь – заразительны. Мне по жизни везло, что встречались учителя, которых я тоже могу считать духовными отцами, и очень многим обязан им.

– Скажи, Эрик, чем я могу быть тебе полезен?

Вопрос застал меня врасплох. Я чувствовал, что для Марика очень важно не просто находиться рядом со мной и не быть обузой, ему ещё очень хотелось приносить благо. Раньше юноша заботился о своей больной маме, не жалея сил, теперь горькая утрата образовала в его жизни пустоту, которую нужно чем-то заполнить.

– Мы подумаем об этом, хорошо?! А пока просто учи русский и набирайся сил. Душевные раны должны зажить, и хоть до конца своих дней мы не забудем о потерях, нужно смириться со случившимся.

Марик решил последовать моему совету и начал переспрашивать слова на русском и запоминать их... Память у парня светлая, и особого труда выучить близкий к польскому язык не составит. К тому же, это забавляет Наташу, и даёт им возможность общения, что немало радует меня.

Наш гость внимательно наблюдает за нами, за нашими отношениями, за жизнью внутри семьи. Он был очень удивлён, узнав о том, что мы учились вместе и были влюблены ещё до того, как я стал священником. Не знаю, что больше поразило его воображение: то, что я, имея любовь, ушёл в семинарию или то, что ушёл со службы ради любви.

Наташа ему понравилась, да и он приятен моей супруге. Несмотря на языковой барьер, они как-то быстро научились понимать друг друга, буквально в течение дня, конечно, мне пришлось иногда помогать с переводом, но всё же обоюдное желание играет решающую роль в восприятии.

По дороге к Наташиным родителям мы разговорись с Мариком о прошлом, болезненную для него тему мне не хотелось трогать, но он сам всё время мыслями возвращался к смерти мамы, к её болезни, которая забрала и у него столько сил. Часто он со слезами на глазах просто смотрел в окно на местный пейзаж, мало чем отличающийся от Польши, разве что домами и плохими дорогами.

Наташа сидела рядом со мной и, в основном, молчала, слушая нас. Видимо, польский язык вызывал в ней воспоминания о нашей рождественской встрече, глаза блестели и горячие взгляды согревали наши сердца. Марик находился на заднем сидении, разговаривая с ним, я смотрел в зеркало заднего вида. А он наклонялся вперёд, чтобы мне было лучше слышно.

– Юрис говорил, что твой преследователь снова копает под тебя... А мне кажется, ему, как и всем нам, просто не хватает общения с тобой. Если бы Юрис мне не дал твоего телефон-

ного номера, ойтец, я бы тоже начал поиски, честно слово! Может проще поговорить с ним и удовлетворить его любопытство? Как ты думаешь?

– Не знаю, Марик. Колек – особенный тип. От него так просто не отделаешься, и просьбой молчать не заставишь держать информацию о моём уходе в тайне.

– Ты ушёл насовсем? Ну, то есть я понимаю, что у вас всё серьёзно, но как ты будешь жить без церкви?

– Почему без? Юрис тебе не сказал? Я постараюсь стать православным священником.

– Ничего себе? И можно быть женатым?

– В том-то и дело.

– Я в этом мало что понимаю, существует большая разница?

– Бог у нас один!.. Вот, что самое главное. Православие хранит древние традиции, обряды и даже старославянский язык.

– Значит, есть надежда, что ты всё равно остаёшься священником?

– Очень надеюсь на это.

– А как вас повенчали?..

– Мы венчались в православной церкви.

– Значит, фактически, ты уже не католик?

– Да.

– Ни за что бы не поверил, что ты изменишь своей вере!..

– Я не изменял вере. Бог – один, церкви разные, но все вместе мы – одно единое целое. Какая разница, как проводить обряды и на каком языке молиться? Важен смысл, который ты во всё это вкладываешь!

В машине образовалась тишина.

– Ну, что, мой дорогой, ты по-прежнему готов идти за мной?! – я вложил в эту фразу очень много смысла и капельку иронии.

– Для меня ничего не изменилось. До встречи с тобой я вообще не думал о Боге... Будь ты хоть кем, всё равно останешься для меня человеком, протянувшим руку помощи, когда моя жизнь ничего не стоила и висела на волоске. Ты дал мне почувствовать ответственность за неё. Не представляю, что бы было с мамой, сделай я тогда тот роковой шаг... Ты, ойтец, для меня очень многое значишь!

– Ты для меня – тоже.

Нет ничего интереснее самой жизни, когда ты внимательный зритель. Из маленьких фрагментов создан калейдоскоп событий, который всё время меняется, стоит нам сделать всего один лишь шаг...

Глава 6

Реакция Марика на то, что, возможно, я уеду переучиваться во Францию, сразила меня наповал:

– Значит, кроме русского, мне придётся учить ещё и французский! – даже смех разобрал, честное слово, но он говорил серьёзно. Никак не ожидал я такой реакции.

Родители встретили нас тепло, что уж и говорить о Мишеньке с Эрикой, они были просто счастливы. Каникулы подходили к концу, и пора было детворе возвращаться домой.

Наташина мама очень старалась угодить нашему польскому гостю. Меня обрадовало и немного удивило, что Марика сразу же восприняли как своего, родного. Красивый юноша с тёмными кудрями густых волос, карими выразительными глазами, с яркой чувственной родинкой над верхней губой тут же очаровал своим обаянием взрослых и детей. Он сильно возмужал за время, которое мы не виделись, и повзрослел. Боль тяжёлой утраты не сломила его, но сделала мудрей и внимательней ко всему, что происходит вокруг. В чужой стране, в незнакомой семье, говоря на другом языке, он не выглядел потерянным, а очень живо реагировал на всё, с улыбкой стараясь помочь, когда это было возможно, его вежливость и воспитанность покорили всех.

Дом родителей, окружённый большим красивым садом, находится на краю небольшого посёлка. Всё здесь ухожено и облагорожено, каждый цветок, кустик, деревце выращены родительскими руками с любовью. Мама занимается в основном огородом с теплицами, а отец садом. Дома тоже всем хватает работы: отопление печное, вода из колодца... Во дворе целая гора заготовленных на грядущую зиму дров. Мы тоже немного подсобили с Мариком на распилке и колке чурок, Наташа с мамой и отцом складывали их под навес, а уж с какой радостью дети принялись помогать нам! Так что к ужину все были довольны и нагуляли зверский аппетит. Домашняя картошка, консервированные помидоры, малосольные огурцы, грибочки маринованные со сметаной и луком, деревенская колбаса и копчёный окорок... Что может быть вкуснее после работы на свежем воздухе?!

В печи потрескивал огонь, тепло и хорошо в семейном кругу, но нужно было отправляться в путь. Собрав детские вещи, поблагодарили гостеприимных хозяев. Присели на дорожку. Мама немного всплакнула, прощаясь с любимой внучкой и в порыве чувств даже приобняла меня, чего за ней ранее не наблюдалось. Пообещав, что скоро встретимся, мы отправились в путь. Наташа в этот раз села с детьми, а Марик разместился рядом со мной, так было удобнее общаться.

Ещё издали я увидел свет мигалок полицейских машин, стояли спасатели и несколько «карет» скорой помощи. Припарковавшись у обочины, я подошёл к месту аварии. Картина была страшной, из искорёженной кабины вытаскивали очередное окровавленное тело, несколько уже лежало неподалёку, накрытых с головой.

– Сюда нельзя! – заорал на меня полицейский.

– Я – священник, могу чем-то помочь?

– Разве что помолитесь за упокой этих несчастных!.. Все четверо, как один, – трупы. Возвращались с веселья, видимо, перебрали, вот и не вписались в поворот. Стойкий запах алкоголя... Молодые совсем ребята. Страшно смотреть! – он снял фуражку и вытер пот со лба. – Идите, отец, тут уже ничем не поможешь.

Это было то самое место, где когда-то ночью я «дежурил» в ожидании машины Стэфана и грузовика... То самое кривое дерево стало последним, что увидели эти молодые люди. «Я так и не поставил здесь креста, не провёл молебен!.. Завтра же позвоню отцу Филиппу!..» – подумал я, испытывая чувство скорби и вины за то, что не смог предотвратить трагедию, может быть, если бы я был лучше сосредоточен, то почувствовал бы приближение беды... Бывают

проклятые места, исправить это можно только силой молитвы. Непоправимость произошедшего легла тяжёлым грузом на мои плечи. «Почему я ничего не узнал?! Ведь был совсем рядом, мог остановить их, предостеречь, как в прошлый раз, если бы только не был так занят своей семьёй, бытовыми делами, общением...»

– Пойдём, ойтец, тут уже ничем не поможешь! – Марик потянул меня к машине.

– Этот ещё живой! – внезапно заорал медик, обследуя только что вытасченного из металлической ловушки человека.

Я подбежал туда. Разбитыми губами пострадавший еле слышно произнёс:

– Господи, прости меня!

– Господь и Бог наш, Иисус Христос, благодатью и щедротами Своего человеколюбия да простит тебя, и я, недостойный слуга Его властью, данной мне, прощаю и разрешаю тебя от всех грехов твоих, во имя Отца и Сына, и Святого Духа. Аминь.

Последний стон вырвался из груди его вместе с душой. Все стоявшие рядом замолчали и перестали суетиться. Ещё какое-то время я стоял на коленях над остывающим телом. Меня растормошили и попросили подняться, подъехала машина за телами. Марик помог встать на ноги.

– Эрик, я сяду за руль, не беспокойся, – он видел моё состояние.

Наташа отправила Мишу сесть спереди, а меня позвала к себе. Её трепетные руки пытались согреть мои ладони.

– Кто-то погиб?

– Выживших нет, – коротко ответил я.

– Ойтец, ты не можешь исправить в этом мире всё, что происходит! Ты всего лишь человек... Не убивайся, значит судьба у них была такая.

Я ничего ему не ответил, моё сердце кровоточило. Этот холодный ноябрьский вечер, ещё долго будет являться мне по ночам.

Глава 7

Домой ехали молча. Эрика спала у мамы на коленях, Миша задумчиво смотрел в темноту за окном, Марик сосредоточился на дороге. Тихо урчал мотор, было тепло. Но только не в моем сердце: оно словно погрузилось в ледяной мрак. Перед глазами стояло и никак не хотело исчезать окровавленное лицо умершего парня.

Полночи я не вставал с колен, молясь за души разбившихся ребят. Лишь под утро ненадолго удалось забыться тяжёлым печальным сном.

Марик прав, я не могу исправить этот мир. Те крохи способностей, что дарованы мне, нужно принимать смиренно и с благодарностью. Не может человек восстать против воли Бога. Кто я есть без Него? Но всё равно хочется кричать от боли за то, что я был совсем рядом и ничего не сделал, оказался глух в своём счастье и семейном благополучии. Но особенно страшно – что я могу скоро совсем «оглохнуть», растерять свой дар в беспечном покое. Из-за этого появляется желание истязать свою душу и тело, лишь бы они не черствели.

Бедная Наташа! Переживала за меня, не знала, с какой стороны подступиться, чем помочь... Она тоже почти не спала в эту ночь.

На следующий день все пытались общаться между собой как могли, стараясь не беспокоить меня лишним раз. Я метался из угла в угол, не находя себе места, и, в конце концов, решил что необходимо побыть одному, дабы обрести равновесие. Предупредил Наташу, что пройду, вышел из дома и отправился куда глаза глядят. Шёл долго, машинально перебирая чётки Розария в кармане и читая молитвы. Боль, поселившаяся во мне, не поддавалась лечению. Я не различал лиц прохожих, не замечал природы, беспечно шёл куда-то, лишь бы не стоять на месте, словно можно уйти от себя самого.

Постепенно мысли улеглись, картина жизни перестала казаться такой уж совсем беспроектной. Ведь и раньше я не раз встречался со смертью, но никогда так не реагировал, душа моя не бунтовала против данности, а принимала её.

Медленно прояснялся взгляд, обострялся слух... Внезапно понял, что слышу откуда-то крик о помощи, женский голос доносился со стороны озера, к которому я приблизился. Проезжающие мимо машины заглушали его, но я слышал внутри себя и шёл на зов, как собака идёт по следу.

Машина была припаркована так, что её скрывали кусты и деревья, возвышавшиеся вдоль дороги, ведущей к воде. Понял, что там происходит насилие. Первое, что бросилось в глаза, когда спустился, – голый мужской зад, белеющий над спущенными штанами, раздвинутые ноги жертвы с порванными тёмными колготками, безуспешная попытка борьбы... Женщина рыдала, умоляя отпустить её, садист зажимал ей рот и с демонической страстью продолжал терзать плоть, всё это происходило на заднем сиденье чёрного внедорожника, дверцы были открыты.

У меня в глазах потемнело, не помню как схватил под руку увесистую палку и, подойдя сзади к насильнику, несколько раз ударил по спине, а последний удар пришёлся в область затылка с такой силой, что палка сломалась, бездыханное тело обмякло, навалившись всем весом на женщину, та завопила с ещё большим ужасом, пытаясь освободиться. Я помог, туша изверга сползла на мокрую землю во всей неприглядности своей возбуждённой наготы. Плохо соображая, что происходит, я протянул несчастной руку, помог ей выбраться из машины.

– Не бойтесь, я не причиню вам зла.

Дрожащими руками она пыталась поправить на себе разодранную одежду. Лицо её с размазанной помадой и поплывшей от слёз косметикой показалось мне похожим на кукольное: огромные серые глаза, маленький, аккуратный носик и пухлые губы. Девушке было не больше двадцати, а может и меньше. Матёрый насильник вполне годился ей по возрасту в отцы.

– Вы убили его?! – прохрипела она, дрожа всем телом, как последний осенний лист на ветру.

До меня только теперь начало доходить, что это вполне возможно. Но я даже не пошевелился, чтобы проверить, так ли оно. Сняв с себя пальто, я накинул его на плечи пострадавшей, у которой начинался приступ истерики. И тут я впервые осознал, что хочу, чтобы этот человек сдох и отправился прямо в ад, без надежды на прощение и отпущение грехов! Холод пробежал по спине. Сделав над собой усилие, я перевернул бездыханное тело на спину. Передо мной лежал незнакомец плотного телосложения, высокий, с широкими плечами и руками, больше похожими на кувалды, на одной из которых татуировка в виде черепа, обвитого змеей.

Я приложил пальцы к его сонной артерии на шее, пульс слабо, но прощупывался.

– Вам знаком этот человек?

– Да, немного, – девушка всхлипнула, – он – владелец местного ночного клуба...

Его название ни о чём мне не говорило.

– Поможете?!

Открыв багажник, мы с большими усилиями запихнули туда верзилу.

– Садитесь, нужно его отвезти по назначению!

Она без пререканий села рядом со мной, ключи были на месте, в замке зажигания, я завёл машину, и мы выехали. Всю дорогу девушка плакала, размазывая дрожащими пальцами слёзы по распухшему лицу.

– Я Вас до сих пор не поблагодарила, а ведь Вы спасли меня!.. Думала, этот кошмар никогда не кончится! – её перетрясло. – Как считаете, он ещё жив?

– Очень надеюсь на это... – тихо сказал я, понимая, что придётся ответить за содеянное.

Подъехали к полицейскому участку. Бежать поздно и бессмысленно.

– Вы должны рассказать им, всё, как было...

Пострадавшая с пониманием кивнула.

«Несчастливая девочка, – подумал я, ей ещё через столько придётся пройти!..»

Открыл двери, пропустил её вперёд, перед моим взором появилась Наташа. Её печальные глаза: «Что же ты наделал, любимый!..» Горло стянуло плохим предчувствием... Я не знал, что ждёт меня впереди.

Глава 8

Когда за тобой закрывается железная дверь, начинается другое измерение времени. Камера предварительного заключения, по-новому, изолятор временного содержания – три на четыре метра, обходя которые заключённые наматывают километры... взад-вперёд, взад-вперёд.

Вот когда появляется время подумать. Мысли одна за другой ставят тебя перед фактом свершившегося, вновь и вновь воспроизводя картинки из недавнего прошлого, от которого теперь ты отрезан неприступными преградами. Правду говорят: «От тюрьмы и от сумы не зарекайся!»

Закрытого в багажнике насильника извлекли и увезли в больницу на скорой. Пострадавшая после обследования врача отпущена домой, а я закрыт предварительно на трое суток до решения генерального прокурора о моей дальнейшей судьбе.

Страшно представить, что сейчас творится дома... Мне так и не дали услышать Наташин голос, хотя любой арестованный имеет право на один телефонный звонок, но здесь каждый сам себе закон и порядок. Обещали, что сообщат, и на том спасибо. Дома хотя бы будут знать, что я жив.

Прислоняясь к решётке горячим лбом, я думал о том, сколько таких же как я бедолаг побывали здесь, содрогаясь от страха перед будущим, перед неизвестностью приговора, когда твоя жизнь впервые зависит от кого-то другого, от того, в каком он будет настроении с утра и что подумает о тебе.

Мои показания, дословно записанные в памяти, прокручиваются в голове. Всё ли правильно сказал или «всё сказанное вами может быть использовано против вас». Бестактные вопросы дежурного...

– Господин бывший священник, а как же на счёт «не убий!»?

– Не убей, не значит, не защити!

– Молитесь, чтобы этот урод выжил! И тогда мы займёмся им, а в другом случае, займутся Вами, и Вы ещё долго будете просить своего Бога о свободе.

Но страшно даже не это. Больше всего меня мучает то, как я ушёл из дома, толком не попрощавшись, я ведь просто отправился проветриться, не было никакого предчувствия, никакого предостережения.

Потёр лицо ладонями, глаза начинали слипаться то ли от усталости, то ли от печали. Почти бессонная прошлая ночь давала о себе знать. Я лёг на старую железную кровать, которая жалобно заскрипела, словно обиделась, посмотрел, как легко за окном куда-то летят грозовые облака... Они свободны. Как много понимаешь, когда сам лишён возможности что-либо изменить! Тоска окутала меня плотным покрывалом... Веки отяжелели.

Снилось, что вернулся домой, Эрика выбежала ко мне навстречу и бросилась на руки, я прижал её к сердцу и ощутил такой знакомый запах детского шампуня. Наташа вышла из кухни, домашняя, тёплая, родная:

– Ну наконец-то, любимый, ты вернулся, давайте все к столу, ужин стынет!..

Очнулся от резкого шума, возникшего в коридоре: привезли ещё одного задержанного. Он шумно выражал своё недовольство, судя по всему, был пьян. Начинаешь понимать, где-ты, и вновь и вновь холодный липкий страх проникает в сердце. Я обратился к Господу, но казалось, что Он отвернулся от меня и больше никогда не услышит, мои молитвы уже никому не нужны, я не достоин даже произносить священные слова. Мог ли я поступить иначе? Мог ли обезвредить насильника другим способом? Почему схватился за палку? Я впервые пожелал человеку смерти, пусть даже и такому, как он... Память ретранслировала в который раз ужасающую сцену насилия, и удушающая ярость вскипала во мне с прежней силой, и опять мыс-

ленно я хватался за эту злосчастную палку. Выживет ли этот человек? Теперь от этого зависела моя СУДЬБА, наше с Наташей будущее.

Франция... Почему мы не уехали сразу же после свадьбы? Почему я цеплялся за появившиеся в моей жизни блага и не отправился в путь? Тогда бы не было этого кошмара. Не было бы пули, я потёр занывшее плечо. Но не было бы уже и того парня, которого удалось спасти... Этой девушке никто бы не помог... Нет! Стоп. Значит, всё правильно. Мне нужно пройти через это. Раз так случилось, значит, оно для чего-то нам всем дано! Нужно что-то осознать, понять в этой жизни, настал момент сделать это. Хватит киснуть, как капуста в чане и жалеть себя несчастного. Чтобы ни случилось, я приму это со смирением, и Бог мне поможет. Нельзя допускать сомнения в Его милосердии и отчаиваться. Да, я не лучший из твоих сосудов, Господи, но ведь Ты – сама любовь, и Тебе открыты все наши помыслы. Ты, взошедший на Голгофу ради спасения грешников, не дай мне струсить перед очередным испытанием! Прости меня грешного, Господи! Ты так много дал мне, а я не смог оценить твоих даров. Заблудился. Растерялся. Упал. Теперь настал момент истины, чтобы осознать, как много осталось там...

Через решётку маленького окна на меня смотрели звёзды. Где-то рядом была Луна, и я почти ощущал её свет, но не мог увидеть, а так хотелось! Наверное, уже поздно, как не хватает часов! Время словно остановилось. Взглянуть бы, как там любимая. Наверное, вся в слезах, и снова по моей вине. Смогу ли я когда-нибудь сделать её по-настоящему счастливой? Если даже сам не способен обрести покоя! Сколько слёз она уже выплакала из-за меня, сколько ещё прольёт?... Нужно было оставаться священником и делать своё дело! Может быть, и она со временем смогла жить без меня... Стоп! Я возвращаюсь к тому, с чего начал, и нет этому ни конца, ни края. Теперь Наташа – моя жена, законная, перед Богом и людьми, которой я клялся в любви, обещал беречь и заботиться до конца своих дней! Любимая, прости меня!..

Схватился за голову и, душа в себе слёзы, качался на кровати, как неваляшка. Железные пружины жалобно поскрипывали. Время тянулось бесконечно. Что же с нами будет?

Помню, как однажды в Польше ко мне на исповедь пришёл парень и сознался в участии группового изнасилования, его покаяние было столь глубоким и сокрушённым, что я отпустил ему все грехи. А как бы я поступил, если бы увидел это своими глазами, так, как вчера?... Вновь бы схватил палку или камень и убил бы его?! Как можно любить и прощать таких тварей? Господи, где берёшь силы на это?! Непостижимое Милосердие Божье, как предстать перед тобой? Если этот человек умрёт, смогу ли я простить себя самого?! Ту ярость и гнев, которые я испытал, убивая его. Но как я мог поступить иначе? Мог окликнуть его и сказать: «Что ты делаешь, брат? Опомнись!», а потом, вместе с изнасилованной, почивать на дне озера? Не зря же в бардачке его машины обнаружили травмат... Нет, я не искал себе оправданий, я пытался найти истину, но как трудно сделать это своим человеческим разумом, особенно, когда свет благодати покинул тебя, и ты, совершивший смертный грех, сидишь в одиночной камере и смотришь на мир через решётку.

Пути Господни неисповедимы. Не убей, не значит, не защити!» – эту фразу из фильма о войне, где православный батюшка, взявший в руки оружие, защищал свой город от наступавших фашистов, я запомнил на всю жизнь. И тоже встал бы на защиту. Только как объединить это с верой?! Как найти истину?..

Глава 9

Какое счастье, я снова дома в своей постели, в объятьях жены. Её горячее тело, такое желанное, такое любимое, рядом. Осторожно прикасаюсь пальцами к её плечу, тонкая кружевная сорочка сползает, оголяя нежную матовую кожу, я покрываю её поцелуями...

Резкий звук заставляет очнуться. Каково же пробуждение! Ненавистная клетка никуда не исчезла. Я – словно зверь в зоопарке: принесли еду, швырнули в железной миске на пол, как собаке. Нечто, напоминающее по виду геркулесовую кашу, но точно несъедобное, понюхал, запах отвратный, к тому же оно ещё и пригорело. Такое в рот не засунешь. Кусок несвежего хлеба и стакан воды. Этого вполне достаточно, чтобы не умереть. Мне не привыкать, я так часто постился. Пришло время главного поста в моей жизни. Что ж, хоть как-то могу прославить Господа Бога!

Сделал несколько отжиманий в позиции лёжа, потом от стены, поприседал, просто, чтобы размять задеревеневшие без движения мышцы. В камере прохладно, от железной кровати на теле остались вмятины. Ни одеяла, ни матраца мне не выделили. Может быть, нужно было попросить? Но этого делать не хотелось. Как есть – так есть, и будет то, что будет. Спасают молитвы, осознанное погружение в себя, нас хорошо этому обучили ещё в семинарии. Правда, трудно пытаться сохранить душевное равновесие, когда ты сам себе противен, а именно подобное чувство я сейчас и испытываю.

Всё время думаю о Наташе, о том, что с ней происходит в этот момент, и ненавижу себя за то, что причиняю ей эту боль. Марик остался с ней или уехал? Насколько я его знаю, он не бросит человека в беде. А это значит, что поддержит и поможет моей семье. Виктор и Таня, думаю, тоже не сидят сложа руки. Только бы она держалась! Чтобы не возвратились вновь приступы головной боли, кто их снимет без меня?! Наверное, и родители уже в курсе. Прошли всего сутки, а как круто изменилась жизнь... Никогда не думал, что однажды окажусь в подобном положении. Как там у классика? «Сижу за решёткой в темнице сырой, вскормленный в неволе орёл молодой...»* Провалиться мне сквозь землю! Надо было обезвредить насильника менее опасным способом. Вспомнил, как заставил Виктора протрезветь, но это вышло спонтанно, я не умею по желанию вызывать энергетический удар. Как ни крути, а сделанного не воротишь. Прошлое на то и прошлое, что уже прошло. Тысячу раз себе говорил: думать надо, прежде чем что-то делать, Эрик! Но когда там было думать и кому, если в глазах потемнело от гнева?!

Щёлкнула задвижка, дверь отворилась.

– Вишневский, на выход!

Моя фамилия звучала как-то иначе, чем раньше, словно на неё легла тень позора и преступления. Хорошо, что мама этого не видит! Во всяком случае, хочется на это надеяться.

– Руки за спину! – голос конвоира как металлом по стеклу.

Прошли по обшарпанному коридору в кабинет следователя. Спасибо, хоть без наручников. Казалось, что все оглядываются и пялятся на меня.

– Добрый день, господин Вишневский!

«Для кого-то, может быть, и добрый...» – пронеслось в голове.

– Здравствуйте!

– Меня зовут Андрей Павлович Розумов, я занимаюсь Вашим делом.

– Скажите, ради Бога, этот человек жив?

– Ни жив и ни мёртв, пока без изменений – кома.

У меня опустились руки.

– Решением прокурора до суда вы остаётесь в заключении.

– Чем обосновывается такое решение? Я стал общественно опасен?

– В этом следствию ещё предстоит разобраться.

– Когда я увижу жену?

– Сожалею, это пока невозможно, до передачи дела в суд никаких свиданий не положено.

Она уже была здесь, справлялась о Вас. Но поймите правильно, условия задержания не мной написаны...

Я схватил его за руку.

– Умоляю, скажите, как она?

– А как Вы думаете?! Молодой человек, держите себя в руках! – он отдернул руку, словно ему было противно моё прикосновение.

Время, когда мои руки спасали, вышло. Горло стянула жгучая боль. «Наташа, любимая!» – кольнуло в сердце. Она была здесь, совсем рядом... Как страшно, как больно, зачем столько боли, Господи?!

– Вернёмся к нашему делу, – он задавал вопросы, а я машинально отвечал, как робот.

В душе образовалась звенящая пустота. Внезапно все чувства умерли. Образовалась глубокая впадина, на дне которой была только темнота, густая, беспросветная, неживая... Мне вдруг стало всё равно, что будет дальше. Я ни о чём не просил Бога, перестал его ощущать.

Время шло. Бесконечные вопросы. Всё то же самое, что вчера, по замкнутому кругу. Они думали, что за ночь что-то прибавилось? Нет! Всё та же история, с той же палкой, будь она неладна!

Когда меня отвели обратно в камеру, я лёг и уставился в потолок, разглядывая на нём старые пятна. Боль снова вернулась. Всё же лучше, чем пустота, но с ней легче. Слезы застелили глаза, пятна на потолке разъехались и поплыли. Я нащупал в кармане Розарий, но не мог помолиться, просто держал его в руках и не шевелился. Мне его оставили лишь потому, что он был короткий и деревянный. Не задушишься, не порежешься. Отняли даже ремень со шнурками, теперь при ходьбе туфли хлюпали, а штаны еле держались на бёдрах. Очень «удобно», особенно, когда руки за спиной.

За окном виднелся крохотный кусочек неба. Вспомнил, как после больницы, раздвинув облака, показал Наташе солнце. Тогда вера двигала мною и любовь.

Кем я был... и кем стал сейчас?! Будто из другой жизни, параллельного мира зазеркалья. Когда посадят, кем стану?.. Если этот негодяй умрёт, мне уже не вернуться к служению никогда. Преступник. Убийца. Клеймо на всю жизнь.

«Таких не берут в космонавты!» – послышался противный такой голосок, издевательски дребезжащий внутри меня.

«Только этого мне не хватало! – подумал я. – Гости пожаловали, да ещё и какие! Давненько я не ощущал такой гадости.»

«Ну, вот и встретились, священник! – прокаркал нечистый. – И где твой Бог теперь?! Что ж не защитил?»

«Изыди, нечисть!» – твёрдо сказал я.

«Не ты звал, не тебе и гнать!» – хохот разорвал мои уши.

«Я схожу с ума, это паранойя...» – хотел перекреститься, но руки не слушались, словно парализованные. Попытался прочесть «Отче наш», но слова путались в голове и разбегались, подобно тараканам. Всё, что я смог, это мысленно перекреститься, как учил Гусар:" Когда много народу кругом, можно сделать крест мысленно. Во имя Отца и Сына, и Духа Святого, Аминь.»

Хохот стих. Узы пали. Я смог пошевелиться, и теперь уже не отпускал из рук чётки, но что-то мне подсказывало, что это не последняя встреча.

«Добро пожаловать в АД!»

* А. С. Пушкин. «Узник»

Глава 10

Вечер. Ужин, больше напоминающий корм для свиней, забрали нетронутым. Единственным источником силы остаётся для меня кусок хлеба и вода, не из вредности, и я не объявлял голодовку, просто не могу заставить себя есть то, что трудно назвать едой. Сажу на кровати, читаю венчик Милосердия.

Смена служащих, новые голоса. Я уже по звукам стал различать, сколько примерно человек находится в участке. Скоро меня переведут в следственный изолятор – знаменитый СИЗО, о котором ходят не самые добрые слухи. Это будет испытанием похлеще одиночки. «Дай, Господи, сил!» – подумал я и продолжил молитву: «Ради Иисуса болезненной муки помилуй нас и весь мир...»

Прочитав Венчик Милосердию Божьему, занял себя любимыми цитатами из Библии, которые часто вспоминал в ободрение или наставление своим прихожанам. Первое, что пришло на ум, было Евангелие от Матфея: «Когда Сын Человеческий придет в своей славе и с Ним все ангелы, тогда Он сядет на престоле своей славы. Перед Ним будут собраны все народы, и Он отделит одних людей от других, как пастух отделяет овец от козлов. «Овец» Он соберет по правую сторону от себя, а «козлов» – по левую. Тогда Царь скажет тем, кто по правую сторону: «Придите ко Мне, благословенные Моим Отцом, получите ваше наследство – Царство, приготовленное вам еще от создания мира. Потому что Я был голоден, и вы накормили Меня; Я хотел пить, и вы напоили Меня; Я искал приюта, и вы пригласили Меня в свой дом. Я был наг, и вы одели Меня; Я был болен, и вы ухаживали за Мной; Я был в тюрьме, и вы пришли навестить Меня». Тогда праведные скажут: «Господи, когда мы видели Тебя голодным и накормили Тебя? Когда Ты хотел пить, и мы дали Тебе напиток? Когда мы видели Тебя без приюта и приняли Тебя, или видели нагим и одели? Когда мы видели Тебя больным или в тюрьме и навестили Тебя?» Царь им ответит: «Говорю вам истину: то, что вы сделали одному из наименьших Моих братьев, вы сделали Мне». *

Мне показалось, или я услышал голос моей любимой?! Она просила о свидании со мной или пыталась передать что-то... Отвечавший ей низкий голос полицейского был холодным и безучастным: «Дамочка, не положено. Прошу Вас больше не приходить!» Она продолжала его умолять. Я вскочил, схватился руками за решётку и начал её трясти, словно это могло помочь ей открыться.

– Тишина в камере! – заорал кто-то поблизости.

Но я слышал её голос, это был точно он, я не мог ошибиться, и не знал, что делать. Заорал сколько было сил:

– Наташа! – голос эхом прокатился по коридору...

Она отозвалась:

– Эрик!

– Прекратите шуметь, я буду вынужден вывести Вас.

Но она ещё громче прежнего закричала:

– Э-рик!!!

В этот момент перед камерой появился надзиратель с дубинкой и, ударив ею по прутьям возле моих пальцев, заорал:

– Тишина в камере, заключённый!

– Да, что вы за люди такие, неужели не понимаете, там моя жена! Дайте нам хотя бы минуту увидеть друг друга!

– Разговорчики!

Но я был в таком состоянии, что ничего не слышал, кроме всё удаляющихся голосов, они выводили Наташу из участка силой...

– Я люблю тебя!.. – мой голос сорвался.

– Ну всё! Ты меня достал! – дверь клетки отворилась, и на меня посыпались удары дубинкой один за другим. Когда полицейский устал, он удовлетворённо выпрямился, поправив ремень на своём плотном животе.

– Тихо сиди, урод, кому сказал! А то ещё добавлю! – вышел, закрыв за собою решётчатую дверь. – Тоже мне, Ромео! – на его лице проявилась улыбка демона.

Всё тело болело, такого я в своей жизни ещё не испытывал. «Слава Богу, по плечу не попал!» – подумал я, сползая по стене на пол. Стало вновь темно и опять появился противный, ненавистный голос:

– Что, священник, больно? – подобие сострадания. – Ей тоже больно, она рыдает... А кто виноват?

– Изыди, проклятый!

– Зря ты так, я ведь могу помочь! – подобие заботы.

– Я не нуждаюсь в твоей помощи!

– Послушай сначала, потом говори... Мне и надо-то от тебя немного, и выйдешь завтра же, обещаю! Просто дай слово, что перестанешь мне мешать!

– Никогда не перестану!

– Значит – развлечёмся по полной!.. Уж я-то тебе устрою парк ужасающих аттракционов!

– На всё воля Божья. Если Господь допускает, знает так тому и быть.

– Ты – исправный слуга, мне нужны такие... Подумай хорошенько! Много ты от Бога своего благодарности видел? Столько лет Ему отслужил верой и правдой, и вот результат, ты – здесь!

И тут передо мной предстал облик моей жены, Наташа смотрела на меня с такой любовью и тоской, что сердце заболело в груди: «Я жду тебя, любимый...»

– Ну что, подумал? Долгие годы ей ждать придётся?! Или завтра встретитесь? Решай... Здесь у меня много друзей, не дам тебе ни минуты покоя... Думай, священник, думай!

– Мне не о чем думать. Изыди!

– Не торопись! Что, не видишь, твой Бог отказался от тебя. Ты ему больше не нужен... Неужели не обидно?! Ты так старался, рисковал, жизни своей не жалел, а теперь сидишь тут на хлебе и воде, жалкий, избитый, в моей власти...

Я вскочил на ноги, но они меня не послушались, и я вновь рухнул на бетонный пол. В руках ещё были чётки, но я не мог сосредоточиться и прочесть хотя бы одну молитву.

– Не упрямься, дорогой, так будет лучше для всех. Я здесь с тобой! Мне дали тебя на потеху! Видишь, защита не срабатывает... Где те, кто использовали тебя для своей выгоды столько лет? АУ?! Нет никого. Один ты одинёшенек в моих руках... – и снова смешок.

– Меня никто не может отдать, я сам делаю выбор.

– Вот видишь, как хорошо-то, всё сам!.. Сам и выбирай, будешь гнить за решёткой или завтра же вернёшься домой к любимой жёнушке и забудешь всё, как страшный сон?! Мне ведь только пальцем щёлкнуть и насильник очнётся, а может быть именно сейчас, возьмёт, да и умрёт?!

– Гнить, так гнить, убирайся! Если Богу угодны мои страдания, да будет воля Его! – в душе не было сомнений. Наташа когда-то сказала: «Буду ждать столько, сколько понадобится.» Это воспоминание укрепило меня. – Я выдержу всё, что Бог ниспошлёт в этой жизни, иначе грош мне цена.

После этого всё исчезло. Ноги вновь стали мне послушны, я поднялся. Сильная боль в теле, особенно в области почек. Кое-как добрался до кровати. Она вновь жалобно заскулила словно щенок, брошенный хозяином. По лицу катились слёзы, я вспоминал отчаянный голос Наташи, который удалялся от меня с каждым шагом всё дальше и дальше. А вокруг была темнота, густая, кремешная, даже в окошке не видно ни зги... Мне казалось, что на улице дождь,

а, может, уже и снег. Я силился вспомнить, какой сегодня день, и понял, что первое декабря. Скоро праздники... Рождество, Новый год... От этих мыслей стало ещё больнее. Ещё острее ощущалось одиночество и тяжесть моего положения. Я поцеловал крестик на Розарии и продолжил прерванную молитву. Когда усталость одолела, и сила сна начала опускать мои веки, прошёл по коридору тот, кто избил меня, и дубинкой провёл по решётке. Получился звук, похожий на «трам-пам-пам-пам».

Сон улетучился, тело ещё помнило издевательство, инстинктивный спазм, засосало под ложечкой. Через время он вновь пришёл и сделал то же самое, «трам-пам-пам-пам». Так продолжалось до самого утра.

В конце концов я не выдержал, встал и спросил его:

– Скажите, зачем Вы это делаете?

Он в очередной раз ударил по железным прутьям:

– Я не сплю, так почему же ты должен спать? – ответ был исчерпывающим.

– Логично! – тихо заметил я.

– Ещё одно слово, хиляк, и я снова пересчитаю твои рёбра! – он ударил по решётке, демонстрируя свою силу и власть, и добавил: – Давно что-то не разминался!.. И жестом вдавил кулак в ладонь так, что захрустели костяшки.

После этого он больше не приходил, и мне удалось-таки немного поспать, пока, гремя железными мисками, не принесли очередную порцию отравы. Начинался новый день, суббота, но я, почему-то, был этому не рад.

* От Матфея (25: 31—40)

Глава 11

Мне приснился отец Филипп. Его сердечное тепло согревало и поддерживало душу. Я чувствовал, что за меня молятся в двух Церквях...

– Вишне夫斯基, на выход! Руки за спину! Лицом к стене!

Скоро буду делать это автоматически, как дрессированная собака. Опять допрос, в субботу? Уже всё сказано-пересказано, могли бы дело давно передать в суд. «Раньше сядешь – раньше выйдешь,» кажется так говорят, но меня и эта мысль не утешала. Трудно было вообще смириться с происходящим.

Меня привели в какой-то кабинет и оставили одного. Посмотрел на окно, за решёткой виден внутренний дворик, там сделан навес. «Наверное, для курильщиков на случай дождя, а, может быть, для охранников во время прогулки задержанных... Разве их выводят? – пустые мысли лезут в голову от безделья и бездействия, для меня это тяжелее всего. – Солнце слишком яркое, или просто мои глаза уже отвыкли от такого света... С крыши капает вода, а вот внизу, – я вытянул голову, чтобы увидеть, – на земле ещё лежит снег. Мне не показалось вчера, действительно, пришла зима. Как захотелось хоть глотка свежего воздуха!» Я попытался приоткрыть створку.

В этот момент зашёл незнакомый мне человек интеллигентного вида в строгом сером костюме с деловым портфелем в руках.

– Я бы не советовал Вам этого делать, отец. Сегодня прохладно.

Меня здесь ещё никто так не называл, да и голос показался каким-то неестественно доброжелательным для этих мест.

– Простите, захотелось подышать...

– Понятно, что через решётку Вы не просочитесь при всей своей худобе. – он сдержанно улыбнулся. – Открывайте, только не простудитесь!

Воспользовавшись разрешением, я с трудом повернул закоревшую ручку. Холодный ветер пахнул в лицо, сделал несколько глубоких вдохов, жадно глотая ртом воздух свободы, голова пошла кругом, уже пахло зимой.

– Поберегите себя, Эрик, здесь Вас вряд ли будут лечить!

Мужчина подошёл и закрыл окно.

– Присаживайтесь!

– Я – адвокат. Меня официально наняла Ваша супруга, и я пришёл, чтобы помочь. Готов выслушать всё, что пожелаете сообщить, с делом я уже ознакомился.

Как утопающий хватается за соломинку, так я взял его руку и крепко пожал. Он не отдернул её, как следовало, а ответил столь же радушно, и на душе стало сразу светлее.

– Мне сообщили, что Вы отказываетесь от еды уже третьи сутки. Это плохо. Потеряете силы, может пострадать иммунитет и моральная устойчивость, что так необходимо сейчас и понадобится нам на суде!

– Не беспокойтесь, я нередко постился на хлебе и воде, душа от этого только сильнее становится. Вся жизнь придерживаюсь хорошего правила: лучше быть голодным, чем есть, что попало...

– Меня радует Ваш настрой! Кажется, я не представился: – Михаил Борисович Горелов, может уже слышали?

– Сожалею, не приходилось. Я много лет провёл в Польше...

– Да, Виктор мне о Вас рассказывал.

– Вы знакомы?

– Со школьной скамьи, – он улыбнулся, – Ваши друзья искренне беспокоятся за Вас.

– Вы видели Наташу?

– Имел честь, её сопровождал молодой человек, кажется, поляк.

– Это мой друг, он приехал незадолго до...

«Значит, Марик здесь, я знал, что он не бросит Наташу в такой ситуации! – от сердца сразу отлегло. – Он поддержит и позаботится о ней.»

– Необычная у вас семья. Не буду скрывать: интересно было познакомиться с человеком, которого все так любят!.. Редко когда услышишь от бывшего мужа восторженные слова о своём сопернике. Тем более, от Вити! Ему более свойственно стереть конкурента в порошок... Простите, что-то я разговорился, давайте, приступим к нашему делу. Мне необходимо задать Вам несколько вопросов, постарайтесь быть предельно откровенным. Я здесь для того, чтобы как можно быстрее освободить Вас.

Отвечал на вопросы искренне и честно, как уже не раз это делал со следователем, ничего нового добавить или убавить я не мог.

– И, последнее, Эрик, может есть просьбы или пожелания? Жалобы?

– Нет, единственное, в чём я нуждаюсь, – это в исповеди, и, если возможно, с моим духовным наставником, впрочем, это не столь важно, пусть будет любой священник.

– Думаю, это возможно, хотя ничего не могу гарантировать. Сами видите, как тут работают.

– Да, вижу... – я опустил голову.

– Ещё пожелания будут?

– Мне бы хотелось привести себя в порядок.

– У Вас сегодня банный день, думаю, Вам выдадут всё необходимое.

– Спасибо! Мы ещё встретимся?

– Несомненно. Что передать Вашей супруге?

– То, что я люблю её больше жизни... – слова застряли в горле.

– Поверьте, это взаимно! – он пожал мне руку на прощанье, незаметно вложив в неё маленький сложенный кусочек бумаги. Глазами указал наверх. – Будьте осторожны!

Только сейчас я заметил встроенную под самым потолком камеру. Моё сердце бешено заколотилось. У меня была записка от любимой, что может быть дороже?

– Спасибо Вам! Да благословит Вас Бог!

Было жаль с ним расставаться, хотелось пообщаться, ещё поспрашивать.

– Один только вопрос: есть ли изменения в состоянии того человека...

– Увы, мне нечем Вас порадовать. Если что-то узнаю, тут же сообщу. Так же Вы можете потребовать встречи со мной, если в этом будет необходимость. Крепитесь, Эрик, всё проходит, пройдёт и это! Более мудрых слов ещё никто не придумал. Мне пора! Был рад с Вами познакомиться.

– Взаимно, спасибо, Михаил Борисович!

– Можно просто Михаил.

Он ещё раз пожал мне руку и вышел из кабинета.

А я вновь открыл окно и, воспользовавшись моментом, успел отведать прохлады, пока не появился конвоир.

– Руки за спину, задержанный! На выход.

«Словно других слов и не знают!» – вздохнув, подумал я.

И снова: обшарпанный коридор, железная клетка, скрипящая ржавая кровать.

«Никогда не заведу себе животного, которое держат взаперти!..»

Глава 12

Как только камеру закрыли и шаги полицейского удалились, я достал заветный клочок бумаги. Каждое предложение перечитывал по несколько раз. Написано всё было очень мелким почерком, чувствовалось, как Наташа волновалась, когда писала.

«Эрик, я люблю тебя больше жизни и буду ждать столько, сколько понадобится, – эти слова давно стали для нас заветными, – чтобы ни случилось, помни об этом! Мы делаем всё, чтобы ты как можно скорее был на свободе. За меня не переживай, Марик остался поддержать нас и во всём помогает. Адвокат у тебя – один из лучших. Мы докажем твою невиновность. Держись! Люблю. Твоя Н.»

Я опустил на кровать и раз за разом перечитывал драгоценные строчки. Как важно знать, находясь здесь, что тебя любят и ждут, несмотря ни на что. Сердце наполнилось тёплым светом надежды. Записка у сердца грела мне душу.

В этот день мне выдали матрац с одеялом и подушкой, позволили помыться и даже сбрить щетину, бритву дали безопасную и под присмотром. Вытираясь после душа застиранным полотенцем, я разглядел свои побои. Пулевое ранение внутри ещё беспокоило, но внешне затянулось, лишь при нажатии ощущалась боль. Всё тело «расписано» синяками, чёрно-сине-красными полосами. «Хорошо, что Наташа этого не увидит, – подумал я, – кости целы, и слава Богу! Остальное заживёт... Одежду бы чистую!...» – но пришлось натягивать на мытое тело всё те же свои вещи, нижнее бельё и носки я застирал и повесил на батарее в камере сушиться.

Субботний вечер был по-настоящему долгим. Где-то в дальнем конце коридора работал телевизор, шёл футбольный матч, и слуги закона то и дело эмоционально вскрикивали и обсуждали между собой подробности. На посту оставался только дежурный, время от времени отвечавший на телефонные звонки. Из задержанных, такое чувство, что остался я один, во всяком случае, не наблюдалось каких-то признаков присутствия ещё кого-то поблизости.

«Затишье перед бурей, – подумал я, в СИЗО такого счастья не будет, туда стекаются в ожидании суда со всех городов и весей преступники всех мастей, что уж и говорить о дальнейшем... Одному Богу известно, что ждёт меня впереди!»

Было слышно, как дёргает носом какой-то простуженный полицейский, как гудит бойлер отопления и течёт по трубам вода. Бессмысленное ожидание, пустая трата времени, сводит с ума. Я пытался заполнить вынужденное бездействие воображением, представляя, как там сейчас моя семья, во что играют Эрика с Мишей, как Наташа тихим голосом разговаривает с Таней на кухне, а Виктор с Мариком пытаются общаться, конечно, с бокалом вина в руках, Витя же не может приехать с пустыми руками... И каждый из них, так или иначе, думает обо мне. Так тяжело, хоть волком вой! Чтобы окончательно не впасть в уныние, я молился за каждого поимённо, вспоминая всех, с кем сводила судьба. Времени свободного теперь уйма, только сил не прибавляется. С каждым днём всё больше ощущается мой вынужденный пост, но заставить себя посмотреть на миску с чем-то неопишимо отвратительным я не мог.

Вспомнилось, как готовит моя Наташа, и стало совсем тяжело, от голода живот стянуло. Я попросил воды. Обычно приходилось пить проточную воду с едким запахом хлорки. Дежуривший в эту смену полицейский, к моему удивлению, принёс мне воды не из-под крана, а в бутылке со своего стола. Я налил её в железную кружку и выпил залпом с таким наслаждением, что даже руки задрожали. Он заметил это.

– Ещё можно?!

Парень кивнул.

Я снова налил полную кружку и жадно её осушил до дна.

– Не пейте сразу много, вырвет. Лучше оставьте у себя бутылку.

– А как же Вы?

Он ухмыльнулся,

– Я не пропаду, – глаза у парня живые, не бездушные, как у многих.

От благодарности даже на слезу пробило. Кажется, за такое короткое время я отвык от человеческой доброты.

– Спасибо! Благослови Вас Бог!

– Это правда, что Вы священник? – в его взгляде промелькнула искренняя заинтересованность.

– Да, но в данный момент под запретом.

– Я слышал про ваше дело... уважаю Вас за то, что Вы сделали. Убивать таких зверей надо.

– Не надо никого убивать, я поступил опрометчиво, нужно было попытаться остановить его другим способом.

Я заметил в нём глубокую душевную рану...

– А я сюда пошёл, чтобы убивать этих гадов, но пока не представилось случая.

– Что-то произошло в Вашей жизни?

– Пять лет назад изнасиловали и убили мою родную сестру. Никогда не забуду и никому не прощу. Когда эти твари выйдут из тюрьмы, я их найду и убью одного за другим.

Я не сразу нашёл слова...

– Тогда Вы станете таким же, как они.

– Пусть, гореть мне в аду, но и им жить припеваючи не дам.

– Сочувствую Вашему горю! Только месть и ненависть губят нас самих.

Зазвонил телефон, он вернулся на пост, так ничего мне и не ответив.

У меня в руках осталась бутылка с кристально-чистой минеральной водой... Я поблагодарил Бога и стал молиться за этого парня, за то, чтобы Божье Милосердие отыскало к нему дорогу, залечило раны, исцелило душу...

Матч, видимо, уже подходил к концу. Доносились разочарованные возгласы болельщиков. Мой собеседник вновь подошёл ко мне и протянул свой мобильный телефон.

– Звоните, пока никого нет.

Я не поверил своим глазам. «Это шутка или очередное издевательство?!» Но нет, парень был вполне искренним. Непослушными от волнения пальцами еле набрал домашний номер, зазвучали гудки, и через несколько секунд я услышал родной Наташин голос.

– Любимая!.. – у меня перехватило дыхание.

– Эрик?! – больше чем уверен, она села в этот момент.

– Да, это я, мне дали возможность позвонить. У нас мало времени. Прости меня за всё, родная, я не хотел, чтобы так получилось. Люблю тебя... – слова выскакивали невпопад вместе со слезами, я был совсем не готов к подобному разговору.

– Как ты, Эрик?.. Мне не дают свиданий. Мы сделаем всё, чтобы вытащить тебя, слышишь?! Держись, ради Бога, любимый!

В этот момент из дальнего конца коридора послышались шаги.

– Прости, больше нельзя говорить.

Мой милосердный самаритянин забрал свой телефон.

– Мне очень жаль...

Боль стянула грудь, я испытывал и горе, и счастье одновременно.

– Спасибо! Так неожиданно... Позвольте, я помолюсь за Вас, как Ваше имя?

– Эдмунд.

– Вы крещённый?

– Да, я – католик.

Я тоже... был.

– Как это?

– Женился и перешёл в православие.

У него округлились глаза.

– Интересный Вы человек... Простите, я должен вернуться на пост.

– Как звали Вашу сестру?

– Инесса.

Ему пришлось уйти, чтобы занять своё место до появления коллег. И я снова остался один. В памяти ещё звучал любимый голос, сердце громко билось в груди. Я не ожидал такого сюрприза! Воистину, не знаешь где найдёшь, где потеряешь.

«Как же помочь Эдмунду, проявившему ко мне человеческое участие? Как исцелить душу, отравленную жадой мести?» Когда не можешь ничего сделать, остаётся только одно – молитва.

Часть 3

Глава 1

Эдмунд пришёл, когда коллеги улеглись, телефон замолчал и наступила полная тишина. Это была на удивление спокойная ночь, без происшествий.

– Вы ещё не спите? – тихо спросил он.

Я сразу же вскочил с кровати, так как спал в одежде, и мне не нужно было одеваться.

Он, стараясь не шуметь, открыл мою камеру, в руках у него была большая керамическая кружка с чаем и какой-то свёрток.

– Знаю, что Вы ничего не ели все эти дни, я принёс Вам то, что приготовила мне мама.

– Эдмунд, Вам самому надо подкрепить свои силы, ночное дежурство не из лёгких...

– Мы разделим еду пополам, я хочу, чтобы Вы тоже поели, Эрик! – он впервые назвал меня по имени.

На том и порешили, разделив бутерброд, Эдмунд отдал большую половину мне, а сам съел совсем немного. Какое же это блаженство: испытать такую доброту и вкус домашней пищи!.. Для меня это был настоящий праздник.

– Я договорился, что подменю завтра сослуживца, выйду за него в ночь. Скорее всего, что в понедельник Вас переведут в СИЗО. Не хочу упустить возможности ещё пообщаться с Вами, – он горько вздохнул, перебирая в руках связку ключей.

– Мне очень дорого то, что Вы сейчас сказали, но не нужно таких жертв.

– Будь моя воля, я бы выпустил Вас прямо сейчас!

– Нет, друг мой, скрываться от закона я не буду, получу то, что заслужил, выпью эту чашу до дна.

– Только не говорите мне, что раскаиваетесь в содеянном!

– Именно. Я почти убил человека, каким бы он ни был, нужно было поступить иначе, у меня есть руки, не нужно было хватать посторонний предмет и бить, не глядя...

– Вы спасли женщину, Вы остановили насилие!

– И всё равно, я виновен.

– Странный Вы человек!..

Мы говорили шёпотом, чтобы не привлекать внимания.

– Вы считаете, что я должен смириться и простить убийц моей сестры?

– Они пойманы и несут наказание, если я правильно понял...

– Да. Эти сволочи за решёткой, им дали по семь лет. Вы считаете, что это достаточное наказание за смерть и мучения, которые перенесла моя бедная Инесса?

– У Вас есть время, чтобы попытаться простить! – я положил ладонь на его руку, и знакомое тепло побежало через пальцы. Он устало закрыл глаза, словно губка, впитывая божественный дар успокоения. Это продолжалось несколько минут. Вряд ли кто-то, увидев эту сцену, понял бы нас правильно. Но Эдмунд не отдернул руки, не подумал обо мне превратно. Поддался воздействию, словно погружённый в гипноз. Его можно было с лёгкостью прочитать, как открытую книгу, где всё честно и откровенно описано: чёрное – это чёрное, белое – это белое. Бесхитростно просто и светло.

Он неожиданно вздрогнул и повернулся ко мне, словно очнувшись ото сна.

– Что это было?!

– У меня есть возможность тебе помочь. Нужно только поверить... – я перешёл на «ты» после того, как прочувствовал его душу. Этот контакт всегда сближает, начинаешь видеть человека глазами любви.

Он сидел рядом со мной на «музыкальной» кровати из железных пружин со старым, сбившимся в комья, дурно пахнущим матрасом и смотрел на меня огромными от восхищения глазами.

– Мне показалось, я видел сестру... Она сияла прямо как солнце и улыбалась мне!

– Там, где она сейчас, ей хорошо. Она в Вечной Доме и пришла сказать тебе об этом, чтобы легче было простить и жить дальше. Ты у мамы остался один?

– Да! Отец умер вскоре после того, что произошло с Инессой, не выдержал такого удара.

– Подумай о том, что случится, когда отомстив, ты надолго сядешь в тюрьму. От возмездия ещё не ушёл ни один человек, ни живой, ни мёртвый. Законы вселенной работают справедливо. И каждый из нас ответит за свои поступки в полной мере. Так откажись от мести ипусти в свою душу любовь, сделай счастливой маму! Подари ей внуков, дай ей то, чего её лишила жизнь – радость!

Он задумался, опустив глаза. Я не мешал ему, горячо молясь за то, чтобы свет божественный наполнил его сердце сполна. Поток энергии не прекращался, при этом не забирая моих сил, словно живой ручеёк, текущий из вечности в реальность.

– Знаешь, о чём я подумал, теперь у меня в сотовом есть твой домашний номер, я сделаю всё возможное, чтобы устроить вам с женой завтра встречу во время ночного дежурства. Хочу отблагодарить тебя!

– Меня не за что благодарить, Эдмунд.

– Зови меня просто Эд, так зовёт меня мама.

– Хорошо, Эд, я хочу открыть тебе старую непреложную истину – Бог милосерден, в Нём источник любви, света, прощения... если я сейчас могу тебе помочь, то только потому, что Он этого хочет. Посмотри на меня! Я сижу по эту сторону решётки, и мир отсюда кажется совсем другим. Не губи свою жизнь, живи ради мамы, она так нуждается в тебе! Когда-то я оставил свою мать ради великих идей, уехал в другую страну и она, не выдержав одиночества, умерла. И эта боль живёт во мне, и хотя я знаю, что она с Богом, мне всё равно трудно принять то, что я ускорил её уход. Она могла бы ещё жить и радоваться за нас, нянчить внуков, о которых так мечтала... Не повторяй моих ошибок. Будь счастлив и люби! Инессу уже не вернёшь, и ничего не исправишь, не верши новое зло! Посмотри, во что ты превратил свою жизнь? Тебе нравится эта работа или ты пошёл сюда, движимый целью отомстить? Ты не похож на этих ребят, и слава Богу. В тебе столько нереализованных талантов, Эд! Уходи отсюда, начни жизнь заново. Откройся миру, и он ответит тебе взаимностью...

Он смотрел на меня, как дети смотрят на ангелов, и от этого взгляда мне стало даже неловко.

– Такие как ты не должны сидеть в тюрьме!.. – это всё, что он смог произнести вслух.

– Это решит суд. Всё в руках Божьих! Не попади я сюда, мы бы не встретились...

Полицейский и заключённый в камере временного задержания, сидя на одной кровати перед решёткой, дружно вздохнули.

– Я уйду с этой работы! – внезапно ответил он. – Ты прав, я был здесь, чтобы мстить, чтобы знать, когда наступит момент... зачем мне всё это?

– Ты – первый, кто налил мне воды не из-под крана, а поделился своей. Первый, кто дал телефон, разделил со мной свою пищу и просто проявил человеческое отношение.

У него на глазах выступили слёзы.

– Быть добрым здесь нелегко. Вокруг столько грязи и зла! Преступления каждый день... Начинаешь думать и воспринимать людей по-другому.

– Я понимаю.

– Таких, как ты – единицы.

– Но они есть, и никто не застрахован от того, что при каком-то стечении обстоятельств может оказаться здесь.

– Не представляю, что ты будешь делать в СИЗО, там по семь-десять человек в камерах сидят...

– Люди – везде люди, не бойся за меня. У каждого человека своя чаша испытаний. Бог не даст больше того, что мы можем выдержать. Всё, что нас не убивает, делает сильнее! А смерть? Смерть не страшна, она всего лишь освобождение от тела. Ничего не бывает зря, всё случается не напрасно... Зачем-то Господь послал меня сюда.

Глава 2

Мы проговорили почти до утра, а потом он вернулся на свой пост, я же со счастливой душой закрыл глаза и спал как младенец, охраняемый Ангелом. Через пару часов началось движение: поменялись смены, принесли завтрак. Впервые подали кофе, пусть не такой, как дома, но всё же...

Наступило воскресенье – день, который все верующие посвящают Богу. Я не мог пойти на службу и, единственное, что оставалось – провести молебен в своей душе. Закрыв глаза, вспомнил храм, в котором прослужил столько лет. Так живо предстал он предо мной до мельчайших подробностей, что, казалось, я нахожусь там и слышу голос Юриса совсем рядом. Молитву за молитвой вместе с ним повторял я заветные слова богослужения... Тело моё по-прежнему оставалось в камере, а душа была далеко, и, хоть я не умею, как тибетский Лама, совершать астральные путешествия, видение было необычайно ярким и реалистичным. Удивительное мистическое погружение, которому не страшны расстояния, стены и решётки. Польский язык звучал как музыка, вызывая в сердце щемящую тоску по былому. Играл наш орган. Я погружался в эту возвышенную атмосферу, отдавая всего себя, как сорвавшийся с ветки лист, что послушен течению ветра. И это лёгкое парение внезапно перенесло меня в монастырь, к Агнешке, в её скромную келью с зажжённой возле образов свечой, я увидел своё фото, лежащее на маленьком столике, а на нём чётки Розария, и понял, что Агнешка молится за меня. Её не было в келье и не могло быть, ведь в это время все монахини присутствуют на воскресном богослужении. Я не пошёл за ней в святая святых, а неожиданно вернулся к Юрису и услышал его мысли. Он молился за меня: просил Господа укрепить раба Божьего в испытаниях и милостиво даровать скорейшее освобождение. Доброе сердце, которое я так плохо разглядел, покуда был рядом, теперь открылось во всём своём богатстве и одухотворённости.

Лица моих прихожан, ставшие в разлуке для меня ещё более близкими и родными, казались совсем реальными. Я, будто нет меж нами никаких оков и преград, слышал о чём они думают. И среди этих многоликих «голосов» звучало и моё имя. Мариша, подросшая за это время, вспоминала меня и просила вернуться. Кристина и Виталь, друзья мои, узнали, что со мной беда и тоже взывали к Милосердию Божьему. «Зачем Господь приоткрыл для меня таинственные завесы сокровенных дум дорогих мне людей? Может быть, желал укрепить в страдании. Дал понять, что есть те, кому я нужен?..»

Резко вздрогнул, возвращаясь в себя, когда открылась дверь камеры.

– Вишневский, к Вам пришли!

Это что-то новенькое, – подумал я, – ко мне уже пускают?!

Увидев отца Филиппа в облачении, я чуть не прослезился от счастья.

– Полчаса! – ледяным тоном предупредил охранник и запер клетку, оставив нас с отцом наедине.

– Сын мой, благословение Господне! – Филипп перекрестил меня.

Я горячо припал к его руке, он погладил меня по голове, словно ребёнка, а после потцовски обнял, прижав к сердцу. Несколько минут мы оба молчали, эмоции, переполнявшие нас, не давали возможности говорить.

Лишь немного успокоившись, я попросил исповеди, и отец ответил:

– Для этого я и пришёл.

Говорили шёпотом, так как слышимость вокруг была ещё та, хотя скрывать мне было нечего... Всё началось с аварии на дороге: поддавшись смятению чувств, я впал в гордыню, взяв на себя ответственность вершителя судеб, потерял смирение перед волей Божьей, что и привело меня к трагическим последствиям. Выплеску гнева нечему было противостоять. Смирение – величайшая добродетель, это полное доверие Богу и Его воле. Мне не хватило

его, не хватило самообладания, чтобы остановить насилие не ударом палки, а силой духа... Я желал человеку смерти, я хотел его убить... Признался и в искушениях, произошедших после тех событий. Отец внимательно меня выслушал, вместе со мной переживая, и, лишь спустя несколько бесконечно долгих минут молчания, сказал:

– Господь и Бог наш, Иисус Христос, по благодати и щедротам Своего человеколюбия, да простит тебе, чадо, все согрешения твои. Ты осознал свои проступки и раскаялся в содеянном. Пусть Милость Всеблагого Спасителя снизойдёт в твою душу и упрочит в терпении.

Пока он читал разрешительную молитву, слёзы благодарности и счастья бежали по моим щекам, я не стеснялся их. На душе стало так светло! Вера в то, что Бог прощает, дарует освобождение!

– Неси достойно свой крест, Эрик! Все молитвы мои за тебя! – он горько вздохнул, посмотрев на меня с любовью, на которую способна только наполненная Божьей благодатью душа. – Я принёс тебе Утешителя.

Это было причастие!.. Почти всё время, отпущенное нам, мы провели в молитве и духовном единении, а перед уходом он сказал:

– Наташа твоя как может держится, каждый день на службы ходит, молится... С нею ваш польский друг. Он ведь католик? А в церковь нашу ходит, чтобы её поддержать, хороший парень, сразу видно, как он к тебе привязан. Матушка моя привет передаёт. Нам всем тебя не хватает, Эрик, что и говорить! Александр с Ирен тоже справлялись о тебе... Он там в больнице неустанно следит за этим человеком, но пока сделать ничего не удаётся. Состояние комы уже который день. Остаётся только ждать и надеяться. Я вот что думаю, может соборовать этого убогого, но ведь покаяния не было, и смертный грех всё ещё на нём... Как просить благодати для человека, совершившего такое?!

– Просто помолись, отец! Не надо соборования. Пусть Господь Бог Сам решает его дальнейшую судьбу, а за меня не тревожьтесь, я допью свою чашу до дна. Всё, что заслужил, вытерплю.

– Ты знаешь, Христос не покидает нас в испытаниях, Он сейчас ближе к тебе, чем когда бы то ни было! Не поддавайся на провокации и искушения. Верю, скоро всё образуется...

Подожёл охранник и напомнил про время.

– Благослови тебя Господь, чадо! Ты получил самое главное. Ничего не бойся! Мир в тебе. Бог с тобой, Эрик!

Я ещё раз поцеловал руку, благословившую меня.

– Был счастлив видеть тебя в добром здравии, сын мой. Веруй! По вере нам всем и воздастся.

– Благодарю, отче, за всё благодарю!

Клетка вновь захлопнулась, и я остался один. Не с кем было разделить мою радость от встречи, исповеди и причастия, но Господь не покидал меня, Он просто скрывался от взора моего, как солнце скрывается за пеленою дождя, но никуда не исчезает.

Глава 3

Весь день мне не давала покоя одна фраза: «Я сделаю всё возможное, чтобы устроить вам с женой встречу завтра ночью во время моего дежурства...» – от одной этой мысли сердце начинало бешено биться в груди, как вольная птица, попавшая в силки.

Когда мы находимся рядом с любимым человеком, то со временем привыкаем к этому и успокаиваемся. Но стоит разлуке постучаться в дом, как за одно мгновение встречи всё готов отдать... Так устроен человек. Мы неосознанно дышим в течении жизни, но стоит нам перекрыть горло, как начинаешь ощущать, что каждый вздох – это сама жизнь. Стоит лишить человека воды, и он, умирая от жажды, будет думать, что глоток воды – это самое дорогое на свете. Так и любовь, за единственную возможность прикоснуться к своей половинке или, хотя бы, увидеть её, ты готов на всё! Я вспомнил, как не находил себе места в тот последний день, метался из угла в угол, а Наташа переживала и не знала, чем помочь... Теперь в моём нынешнем положении увидеть её – предел всех мечтаний. Как глупо, нелепо мы живём! Но разве можно научиться ценить каждое мгновенье, дарованное нам Богом? Богатство кажется пределом счастья только для бедняка, но стоит дать ему всё, и он очень скоро пресытится и перестанет замечать то, что имеет.

Шаг за шагом я наматывал километры по камере, другой возможности двигаться у меня не было. Время от времени делал приседания, отжимания давались с трудом после побоев дубинкой.

В участке не прекращалась своя многоликая жизнь: мелькали лица и голоса, кто-то спешил на вызов, кто-то домой, и только в камере время точно остановилось. Его так часто в жизни не хватало, а теперь стало вдруг слишком много. За эти несколько дней я, кажется, отбыл тут целую вечность.

А вот и новость, в соседнюю камеру посадили жильца. «Птаха» явно не из певчих, скорее кричащих, как дикая ворона, с неприятным сиплым голосом.

– Эй, братан, курить есть?

– Простите, не курю.

– Здоровье бережёшь, ну-ну... Типа правильный.

Я ничем не ответил на его ухмылку, лёг на кровать и уставился в потолок.»?

Мужчина неопределённого возраста периодически что-то выкрикивал несуразное и выглядел, мягко говоря, маловменяемым. То ли с похмелья, то ли с чего-то похуже... Это раздражало, хотелось надеяться, что хоть к ночи он уgomонится и закроет рот.

Когда принесли обед, он с жадностью набросился на еду, которую и называть-то так язык не повернётся. А я, оказывается, чересчур привередлив! Ложка мелькала и звенела об железную тарелку с невиданной скоростью, пока её не облизали.

– Ты чё не ешь?

– Не хочу.

– Тогда делись с ближним!

– С удовольствием, – я просунул ему тарелку под решёткой. С такой же скоростью не стало и второй порции. Мне показалось, что он не отказался бы и от ещё нескольких.

– Ты зря не ешь! – многозначительно продолжил знакомство сосед. – Силы ещё понадобятся! Давно сидишь?

– Уже четверо суток...

– Надолго?

– Хотелось бы надеяться, что нет...

– Надежда – это хорошо! – он многозначительно закивал головой в подтверждение своих слов. На вид ему было от сорока до шестидесяти (либо жизнь его хорошо потрепала, либо он её, но скорее – второе). Полное красное лицо отражало разгульное существование, желтоватый цвет кожи выдавал обилие табака, исколотые татуировками руки «богатое» прошлое. Он всё время что-то бубнил, периодически меняя интонации голоса и звуковой диапазон, словно не мог определиться в какой тональности и с какой мощностью звука ему удобнее говорить. Матерные слова выскакивали из его рта, как жабы на болоте. Движения рук и всего тела хаотичные, сразу видно: с нервами у парня проблемы. Чувство такое, как будто он всё время куда-то очень торопится, так и хочется сказать: «Сядь и успокойся!»

То ли ещё будет! – подумал я о тюрьме... Надо как-то набраться сил и терпения, а у того и другого для меня был только один источник. Но и молитвы прерывал этот странный человек, всё время что-то спрашивая, совершенно не давая мне сосредоточиться и уйти в себя. Время близилось к вечеру, волнение моё только нарастало. Приближение возможной встречи затрудняло дыхание. Зачем я принял всё всерьёз? Даже если Эдмунд и хотел нам помочь, то как это возможно? Особенно теперь, здесь, рядом с этим неуравновешенным человеком, трудно себе даже представить.

«Боже упаси, чтобы Наташа это всё увидела!» – подумал я, ещё больше расстраиваясь. Мысли путались, сплетаясь в причудливые узоры, захотелось взять в руки кисть и нарисовать картину. Я отвернулся к стене, закрыл глаза и, притворившись спящим, начал фантазировать, что рисую море. Пенный гребень бегущей волны, как приподнятое кверху прозрачное одеяло, наполненное нитями водорослей и песчинками. Разноцветные гладкие камни, обкатанные тысячелетиями, блестят на прибрежном светлом песке. Скалы причудливых форм, обрамляющие берега, вырисовываются объёмными, крупными серо-зелёными мазками. Еле заметные вдалеке силуэты чаек парят над водой. Через пушистые облака, лучи солнца (такие же, как на иконе Милосердия) спускаются на двоих идущих по пляжу, взявшихся за руки, мужчину и женщину... «Жена моя, я бы нарисовал твои волосы цвета спелой золотой пшеницы, с которыми играет шаловливый ветер в отблесках заката, нежный женственный силуэт, такой знакомый и до боли родной. Там на картине мы бы вечно были вместе, ты и я, ничто не разлучит и не потревожит нашего счастья. Как жаль, что я не художник, что даже не пробовал им стать!...»

Глава 4

Сосед улёгся, решив, что я уже сплю, и тут же захрапел. Звуки напоминали симфонический оркестр при настройке перед спектаклем: звучали басы, виолончель, рояль и даже расстроенные скрипки. Эта какофония хотя бы не мешала думать, не требовала внимания.

После исповеди тяжёлые мысли рассеялись, как после дождя тучи, и благодать наполнила меня нежным светом: грела, успокаивала, утешала. Достал чётки и начал молиться, не хотелось терять ни одной минуты, ведь только Бог знает, что ждёт меня завтра, будет ли ещё такая возможность?!

«Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.»* – вспомнились слова из Нагорной проповеди. Молитва – сокровенный разговор с Богом, происходящий в глубинных недрах души, требует уединения и сосредоточенности. Чётки помогают упорядочить молитвы, погрузившись в медитацию полностью, не нужно держать в голове подсчёт, пять таинств по десять молитв каждая – один круг розария. Всего их три: тайны радостные, скорбные и славные, воспоминание о жизненном пути Иисуса Христа.

Но есть ещё и венчик к Милосердию Божию святой Фаустины, моей любимой польской святой, чьё покровительство я ощущаю и бережно храню в душе. Мы неразрывно связаны с ней с тех самых пор, когда я впервые увидел икону, висевшую над моей кроватью, думаю, что она была там со дня моего рождения. Её в начале сороковых годов двадцатого века нарисовал мой дед Радимир Вишневский, вдохновлённый иконой Божьего Милосердия, которую по просьбе сестры Фаустины (в миру Хелены Ковальской) написал художник Евгений Казимировский, основываясь на описаниях видений монахини. Радимир был поражён, увидев этот образ, и множество раз в течении жизни пытался его воссоздать, один из лучших образцов его творения и по сей день хранится у нас в семье.

История жизни моего деда всегда вызывала во мне особый живой интерес. Родился он в дворянской семье, получил прекрасное образование, по заведённой в семье традиции стал военным. Блестящую карьеру ему пророчили ещё с детских лет, но его душа благоволила к прекрасному. Бабушка рассказывала, что он был очень набожный и романтичный человек, любил рисовать. Особенно его вдохновляли иконы и образы святых, что никак не помогало в продвижении по службе. Он ушёл из армии и подумывал о том, чтобы стать монахом, но началась война. Во время оккупации находился в партизанском отряде, когда советская армия освобождала Польшу, раненный попал в госпиталь, где и познакомился с русской медсестрой, у них вспыхнула взаимная любовь. Больше они не расставались, он устроился санитаром и прошёл рядом с любимой до конца войны, поженились, уехали в Россию, уже там родился мой отец. Но вскоре Радимира арестовали, обвинили в шпионаже и отправили в лагерь. Сохранилась лишь пара писем, написанных дедом, кем-то переданных уже после его смерти бабушке. Несколько документов, нарисованные им иконы, да чудом сохранившаяся фотография молодого красивого польского офицера в парадном мундире, над которой бабушка пролила столько безутешных слёз, вот всё, что осталось нам, его потомкам. А ещё католическая вера и какая-то подсознательная любовь к Польше, которая притянула меня уехать учиться в Варшаву. Очень уж хотелось выучить язык, на котором говорил дед, чтобы самому прочесть и понять, о чём он написал в те страшные годы, прощаясь с жизнью. И я выучил. Молитву к Милосердию Божьему читаю на польском. Она объединяет и олицетворяет для меня всё самое дорогое: веру, упование, надежду, почитание, светлую память об ушедших родных. Жертвуя Богу Отцу Тело и Кровь, Душу и Божественную Сущность Иисуса Христа ради прощения грехов наших и всего мира, соединяясь с жертвоприношением Сына Божия, мы приобщаемся к любви, кото-

рую небесный Отец изливает на раны Христовы, а через них – на весь человеческий род. Эта молитва всегда спасала меня в самые трудные минуты и помогает выстоять сейчас.

Началась пересменка, я услышал голос Эдмунда, он сдержал своё слово и вышел на службу снова в ночное дежурство. Но теперь появился сосед, и это по-настоящему тревожит. Что может сделать обычный дежурный, когда ещё есть и свидетель нарушения, который может всё рассказать? Станет ли он рисковать своей работой и репутацией ради почти незнакомого ему человека? Нужны ли такие жертвы? И что бы я отдал ради встречи с Наташей?! Всё... и ничего, ибо мне нечего отдать, всё, что я имею, принадлежит Богу.

* (Матф.6:6)

Глава 5

Наступила ночь. Эдмунд несколько раз за это время проходил мимо камеры, бросая на меня многозначительные взгляды. Но мы не могли поговорить, кто-то всё время мешал. Сосед продолжал симфонический концерт под руководством... точнее без руководства вообще, но всё же прослеживалась некая периодичность звучания исходящих из плотного тела басов. Сон, судя по всему, у него богатырский, а вот я, при всём желании, не смог бы уснуть.

Где-то в глубине души ещё теплилась надежда, то замедляя, то ускоряя ритм моего беспокойного сердца, дрожью ожидания пробегая по телу.

Эдмунд подошёл, когда все разбрелись, уже была глубокая ночь, даже телефон замолчал, отдыхая от дневной суеты. В отделении, если не считать храпа моего соседа, стояла тишина. Медленно повернулся ключ, открылась, чуть скрипнув, решётчатая дверь, и Эд жестом показал мне идти за ним. Всё это больше походило на сон, нежели на реальность. Я вышел, он закрыл за мной. Сосед резко всхрапнул, мы замерли, мёртвая пауза, свистящий выдох. Лишь свернув за угол, Эдмунд тихо поинтересовался:

– Как ты?

– Нормально, – сердце выдавало чечётку похлеще Фреда Астера.

– Зачем руки за спиной держишь? – хмыкнул мой сопровождающий,

– Уже привык... – шёпотом ответил я.

Мы прошли ещё один длинный коридор и свернули на лестничную площадку, Эдмунд повёл меня вниз к подвальному помещению.

– Прости, что так поздно и в таких условиях, но, по крайней мере, даже если кто-то спохватится, вас здесь вряд ли будут искать.

Найдя нужный ключ, он открыл ещё одну дверь, и я уловил знакомый дух... Угля уже нет, холодные печи закрыты, пахнет сыростью, но запах дыма вьелся в стены.

– Это старая кочегарка, её уже давно не используют, теперь работает городское центральное отопление, – он включил свет и провёл меня в следующую за котельной комнату, предназначавшуюся раньше для отдыха кочегару, там была старая душевая кабина, топчан, небольшой столик, возле него сваленные в кучу коробки с каким-то хламом. – Помещение заброшенное, я немного прибрался, но времени особенно не было, прости! Мы тут иногда отсыпаемся после тяжёлой смены... Но сегодня вас никто не потревожит, обещаю.

Всё это напоминало мне кочегарку, где когда-то я работал, хотя, наверное, все они похожи друг на друга.

– Здесь могут быть мыши, не пугайтесь. Эрик, я приду за тобой через три часа, позже все начнут подниматься, если, конечно, не будет происшествий, – он вздохнул и перекрестился. – Я не боюсь за себя, подумаешь, уволят. Главное, чтобы тебе не прибавилось проблем!

– На всё воля Божья!.. – тихо ответил я.

– Здесь чайник, и я принёс кое-что из дома, попей, поешь, я сейчас приведу твою жену, – он вышел.

Я не мог думать о еде в такие минуты, и с трудом держался на ногах от голода и остроты нахлынувших на меня чувств. Через пару минут услышал их голоса:

– Накормите его, он совсем не ест, только хлеб и воду, – голос Эдмунда уже казался родным.

– Я постараюсь! – ответила Наташа взволнованным голосом.

– У вас три часа, – он открыл дверь, пропуская Наташу вперёд.

Туман застилал глаза, я был близок к обмороку. Она бросилась мне навстречу и крепко обняла. Я не видел, как вышел Эдмунд, не слышал уже ничего, кроме пульсации крови в моих

висках и её дыхания. Вдыхая аромат любимой женщины, чуть не кричал от боли и счастья одновременно.

– Любимая, прости меня!

– Молчи, Эрик, молчи... – Наташа покрыла поцелуями моё небритое лицо. Потом потащила меня к топчану и мы упали на него. Перед глазами всё поплыло. Жар и пламя охватили меня целиком, я не соображал, что делаю, где нахожусь, во мне проснулся вулкан, источающий лаву, огненными потоками сметая всё на своём пути. Я смотрел на её пылающее лицо, по которому бежали слёзы и капали на меня сверху, острота чувств наполняла нас сладостной горечью, выворачивая души наизнанку. Хотелось умереть, раствориться в ней навсегда, исчезнуть навечно. Наши тела, безмолвные крики душ, слившееся в одно дыханье, – всё в одном пылающем жерле.

– Жена моя... любовь моя!.. – слова терялись, застывая в вечности осколками звёзд. Такие мгновения не забудутся никогда. Я вспомню их перед смертью в тех же красках, с теми же неповторимыми чувствами. Жажда наполниться друг другом перед неизбежной разлукой мучила нас, не давая возможности расслабиться хоть на мгновение. Время безжалостно утекало, и чем меньше его оставалось, тем больше становилось в груди.

– Вставай! – её голос прозвучал неожиданно твёрдо.

Я посмотрел на Наташу, пытаюсь понять, что произошло, мои пальцы ещё скользили по её горячей и влажной коже и поцелуй замер на губах.

– Эрик, ты сейчас же примешь душ, переоденешься, и будешь есть, пока я здесь! – её лицо было настолько серьёзным, что я рассмеялся. Наташа встала, а я любовался ею с единственным желанием – запечатлеть как можно ярче в памяти каждый изгиб её прекрасного тела.

Она достала из сумки чистую одежду и протянула мне, но поймав мой взгляд, выронила всё, что было в руках, и бросилась снова в объятия, забыв про свой ультиматум.

Не разорвать того, что Богом пришито. Никакими решётками не разъединить.

– Любовь моя!..

Снова и снова мы растворялись друг в друге.

– Эрик, умоляю! Послушай, что я говорю!

– Не могу. Ты сильнее меня, любимая...

– Ах, так! – Наташа схватила меня за руку и потянула за собой, затолкнула в душевую кабину, включила воду. Холодный душ вернул мне рассудок, когда пошла горячая вода, тело смогло расслабиться, и я начал трезво понимать, где я, чем рискую и как скоро этот праздник закончится. Когда я вышел, Наташа уже была одета, она накинула на меня махровое полотенце и начала вытирать как маленького.

– О, Боже! Боже мой! – причитала жена, разглядывая мои синяки. – Кто тебя так? За что? Эрик, ты с кем-то подрался? Что это?!

– Дубинка... Ничего страшного, уже проходит, – я совсем забыл о своих побоях и пытался её успокоить, но она целовала мои кровоподтёки и плакала, а я опять думал о том, что заставляю её страдать.

Когда я наконец-то оделся в чистую, хранящую запах родного дома одежду, то почувствовал жуткий, не просто физический, нет, душевный неутолимый голод свободы, жажду вырваться отсюда, жажду быть там, с ними, как прежде, навсегда...

Наташа грела чай и раскладывала на столе еду.

– Я не уйду, пока ты не наешься. Садись, пожалуйста, ты должен поесть! – она смотрела, как я уплетаю котлеты, сдерживая слёзы. Я ощущал её физически как самого себя. Боль наполняла нас обоих до краёв. Время убегало, как сквозь пальцы вода. А я послушно жевал, проталкивая еду горячим чаем. Мы оба молчали. Нам не нужны были слова. Всё понятно и без слов, когда одна душа отражает другую.

«Я буду ждать тебя всегда!..» – думала она.

«Я сделаю всё, чтобы вернуться как можно скорее! – отвечал я. – Ты прощаешь меня?

«Мне не за что тебя прощать. Всегда прощу... чтобы ты ни сделал.»

«Люблю тебя, любил и буду любить вечно.»

«Всё будет хорошо, родной, я верю, Бог не оставит нас. Ты только береги себя!»

«Не переживай за меня... Я скоро вернусь!»

Этот немой диалог продолжался, пока я ел, но желудок уже сжался за это время и я очень быстро почувствовал насыщение. Отодвинув всё в сторону, я посадил Наташу к себе на колени и зарылся лицом в копну её прекрасных волос, запах любимой женщины наполнял блаженством мою душу. Я понимал, что сейчас за мной придут, и я вновь вернусь в проклятую клетку и не увижу её, один Бог знает, сколько ещё времени.

– Расскажи как Эрика, Миша?

– Хорошо. Все ждут твоего возвращения. Все стараются помочь. Почему ты отказываешься есть? Ты ослабнешь, Эрик, тебе нужны силы! Мои передачи они не принимают.

– Не переживай, я справлюсь. Мне всего хватает.

– Ты видел себя в зеркале?

– У тебя тоже очень измученный вид. Постарайся спокойнее всё воспринимать.

– А ты начинай есть! Обещаешь?!

– Я постараюсь.

– Этот человек всё ещё в коме. Александр Васильевич сказал, что он может в таком состоянии находиться годами...

– Не думай об этом. Доверься Богу! Он знает, что делает. Значит, так дано.

– Эрик, любимый мой, когда же этот кошмар закончится?!

– Я не знаю, родная.

Мы ещё крепче прижались друг к другу.

Я видел её бледное заплаканное лицо с тёмными кругами возле глаз и понимал, как трудно ей дались эти дни. Сколько сил я забрал, сколько страданий причинил самому дорогому человеку. Почему мы заставляем страдать тех, кого больше всего любим, становясь их невольными палачами?! Я не мог ничего изменить, ничего уже было не исправить.

Послышались шаги на лестнице. Эд возвращался за мной. Я ещё раз стиснул её в объятиях, ещё раз прикоснулся губами, вдохнул аромат её золотых волос. Сердце заныло в груди. Стук в дверь.

– Я иду! Прости, родная, за всё меня прости!.. – перекрестив жену на прощанье, я вышел в котельную.

– Храни тебя Бог! – донеслось мне вслед, её голос срывался, сдерживая рыдания.

Если бы я оглянулся, то не смог бы уйти.

Перед выходом на лестницу Эд остановился.

– Может, передумаешь? Дверь открыта. Уедете куда-нибудь!.. За меня не беспокойся, я отвечу, – его глаза были наполнены состраданием, он бы сделал это, не было ни малейшего сомнения.

– Я не готов принять такую жертву, Эд. Не готов обречь любимую на скитания в бегах и вечный страх. Нет, Эдмунд, нет! Я допью свою чашу до дна. Не хочу скрываться. Всё будет так, как будет. Пойдём, я не хочу подвергать тебя риску. Ты и так сделал для меня больше, чем мог себе позволить!

Он похлопал меня по плечу:

– Ну, что ж, брат, на нет и суда нет. Тогда, держитесь!

– Что ещё остаётся?!

Мы прошли длинный коридор, и нас встречал всё тот же симфонический хrap. У меня было чувство, что сердца в груди больше нет. Оно осталось где-то там, в любимых до боли родных руках.

Глава 6

Опустошение, будто сердце осталось с ней, и в груди у меня дыра. Нет эмоций, нет боли, нет страха. Оцепенение, возможно, потому что не спал, или от переизбытка чувств Господь их на время изъял, чтобы я выдержал разлуку. Ещё ощущаю на себе губы моей жены, её запах, ласку нежных рук, соприкосновение наших тел... Память кожи сильна. Закрыв глаза, просто плыву по течению воспоминаний, это не сон, но кажется, нет сил даже пошевелиться.

Принесли завтрак, гремят тарелками. Принимаю свою порцию и без слов отдаю соседу. Он счастлив, а я всё ещё сыт. Вновь закрываю глаза и, кажется, Наташа рядом, она со мной, во мне, в моей крови... Притворяюсь, что ещё сплю, чтобы продлить, удержать воспоминания. В душе полный покой, не позволю никому украсть моё богатство. Сберегу, сохраню, взлелею.

– Вишне夫斯基, пять минут на сборы! – рявкнул сержант так, что я чуть не подпрыгнул.

Вот и всё. Увозят в СИЗО.

– Прощай, сосед! Пусть Бог тебя благословит!

– Мне будет не хватать твоих порций! – улыбнулся он и протянул ко мне через решётку руку, я её с удовольствием пожал.

– Удачи тебе!

Собирать было нечего, кроме нескольких вещей из мелочи, постиранных накануне.

Дверь распахнулась.

– С вещами на выход!

«Ну и голос у этого парня!» – даже мурашки пробежали по телу.

Я вышел из камеры.

– Вещи на пол. Лицом к стене! Руки за голову! – зачем-то ощупал, осмотрел пожитки, бросил их в тряпичный мешок. – Руки, вперёд! – холодный металл сжал запястья, щелчок.

Ещё раз увидел Эдмунда, когда проводили через приёмную, ощутил силу его сострадания, почему-то он задержался... Любопытствующие взгляды на человека в наручниках, большая доска с надписью «их разыскивает полиция» со множеством фотографий, что промелькнули перед глазами. Когда вывели на улицу, я даже зажмурился: белый снег, отражая солнечные лучи, слепит. Вот и зима... Успел несколько раз вдохнуть с упоением морозный свежий воздух, чуть не упал, скользко и непривычно ходить в наручниках. Посадили в машину, двое сопровождающих, все пристегнулись, поехали. Полицейские переговариваются между собой, шутят, всё что происходит сейчас для них – рутина, обычный рабочий день.

Смотрю в окно, на вольную жизнь, на спешащих мимо прохожих, на тех, кто может беспрепятственно идти куда хочет, и сердце ноет в груди, лишённое этой возможности. Что ждёт меня впереди? Сколько ещё продлится это испытание? Неделю, месяц, год или несколько лет? Никто не скажет. Я словно отрезан от мира. Единственная надежда, как у утопающего соломинка, это моя вера и упование на Милосердие Всемогущего Бога.

Проехали по городу мимо церкви, где я так часто молился, мимо парка, в котором мы любим гулять с Наташей; из-за дорожных работ в объезд завернули на улицу, где живёт Виктор, вот и его дом виден немного... Знакомый газетный киоск, продуктовый магазин, где мы часто делаем покупки... Сердце тревожно подскочило в груди, я вывернул шею, пытаюсь проводить глазами как можно дальше наш дом, испытав такую острую боль, что хотелось кричать. Калитка закрыта, во дворе стоит моя машина, ничего не изменилось, только выпал снег, и меня нет там, рядом с моими близкими... Представил, как Наташа, утомлённая этой ночью, ещё спит, прижав к себе дочурку.

«Любовь моя, боль моя!.. – я стиснул зубы и сжал кулаки, наручники впились в кожу ещё сильнее. – Из дома уйти несложно, назад вернуться не всегда удаётся...»

Глава 7

Каждый выживает, как может. В камере, несмотря на холод, нечем дышать. Стены давят на голову. Слишком мало места для такого количества людей. Ощущение страха и безысходности висит в воздухе пеленой более густой, чем завеса табачного дыма.

Встретило меня, можно сказать, ласково, восемь душ таких же, как я, подследственных. Из них выделялись сразу шестёрки и тузы, микромир замкнутого пространства со своим, неизвестным мне, уставом. Помещение с двухъярусными кроватями, как в муравейнике, только это не дисциплинированные насекомые, а люди с поломанными судьбами, утомлённые, голодные и злые.

– Кем будешь, мил человек? Каким ветром занесло? – спросил тот, чей голос многое значил, потому что все остальные тут же замолчали.

Я представился, как всегда немногословно, устало подняв глаза, бессонная ночь давала о себе знать.

– Первый раз к нам занесло, вижу, – сказал, проедаая меня волчьими глазами мудрого и опытного зверя, вожака стаи. – Рыжий, встань! Уступи место человеку.

Там поселишься! – приказы не обсуждаются.

«Рыжий» встал. Я прошёл к его койке и молча сел. Никто не выразил недовольствия.

Как выжить? Как себя вести, мне никто не объяснял. Знал бы, где упадёшь, почитал бы чего-нибудь, с людьми бы сведущими поговорил... А так, лишь голая интуиция в школе выживания.

– Подойди! – он откинул свои карты.

Мы встретились взглядом, я не вскочил, как мальчик, я выдержал его взгляд, лишь потом, не выражая никаких эмоций, поднялся и подошёл к нему. Я стоял возле небольшого стола, за которым сидел он и ещё двое игравших, в кружках чёрный чай, в буквальном смысле, чёрный. Лица были разные, но все из бывалых. Мой сосед с татуировками сюда бы неплохо вписался.

– Мне сообщили о тебе, но я хочу услышать, что ты сам скажешь... Сыграем?

– Не играю я. Нельзя мне.

– Что, так азартен? – глаза сверкнули холодной искрой, как нож, поймавший луч света.

– Я – священник.

Кто-то заржал, но осёкся, не поддержанный никем.

– «Священник», говоришь? Наверно, теперь уже бывший.

– У нас бывших не бывает. Сан остаётся навсегда. Я временно под запретом.

– Что так?

– Женился.

Опять тот же голос засмеялся, но уже тише и несмело.

– Католик?

– Ушёл в православие.

В его глазах пробежала усмешка, и лицо еле заметно скривилось. Я никак не мог определить его возраст, понятно, что за сорок. А может, пятьдесят или даже шестьдесят? Сие остаётся загадкой, определению не подлежит. Человек мог так состариться раньше времени, а мог и хорошо сохраниться в равной степени. Но то, что это был авторитет, было видно без всякого сомнения: каждая черта на его лице говорила о большом жизненном опыте, нескгибаемом характере человека, который держит своё слово и, если надо, убьёт, не колеблясь.

– ... Крепка ж твоя вера, ничего не скажешь!

– Бог – один, религий много.

– Это ты верно сказал. Жалеешь, что сделал? – многозначительная пауза.

Я понял, о чём он.

– Жалею, что не руками.

Он знал моё дело от и до, я это понял, потому не утруждал себя подробностями, это ни к чему.

– Отдыхай, а то свалишься! – он посмотрел на меня, и по губам проскользнуло подобие улыбки. – Ещё будет время, поговорим.

Я благодарно кивнул, не спеша повернулся: важно показать характер, но не задеть. Внутри всё похолодело под воздействием его пронзительного взгляда. Нужно быть осторожным, но не трусливым. Кажется, нам есть о чём поговорить...

Лёг на отведённое мне место, закрыл глаза, мысленно воззвал к Богу, обращаясь за мудростью. И, незаметно для себя, провалился в глубокий сон.

Солнечная поляна, залитая светом и жёлтыми цветами... среди них сидит девочка возрастом чуть постарше Эрики с ярко-огненными волосами и плетёт венок из ромашек и одуванчиков. Вглядываюсь в её черты и понимаю, что она мне до боли знакома, но не могу вспомнить, кто же это такая. Её удивительно чистые зелёно-карие глаза смотрят на меня по-взрослому, с огромной нежностью и любовью. На девочке белое платье, оно яркое, как снег, приходится жмуриться, когда смотрю на неё. И вдруг она заговорила совсем взрослым голосом: «Всё будет хорошо, добрый отец!», я тут же проснулся. На губах застыло имя: «Агнешка!»

Горит дежурный свет, в камере все уже спят. Сколько времени прошло, понять невозможно. Вот это я поспал!.. Кто-то посапывает, кто-то противно скрипит зубами.

Сон ушёл, яркий, ослепительный, но осталось ощущение тревоги, я не знаю, с чем оно связано. Агнешка приободрила меня, а я вдруг разволновался. Интересно, почему она приснилась мне такой маленькой? Возможно это возраст её во Христе? Я ведь не так давно покрестил её... Словно тонкая игла пронзила сердце, и тоска наполнила душу. Всё же мы неразрывно связаны с нею... Вспомнилась её неподражаемая красота, теперь эта роза растёт в саду самого Бога, а значит в безопасности и благодати.

«Агнешка, моя дорогая Агнешка, не печалься, дитя! Мы ещё обязательно с тобою встретимся!»

«Всё будет хорошо, – звучит обнадеживающе, – добрый отец,» – только она называет меня так. Доброта – вот, главное, что должно присутствовать в каждом священнике... А святых нет на Земле. Святость – это дар свыше.

Глава 8

Утро. Камера оживает. Муравейник начинает шевелиться, прикуривая, чертыхаясь, как один нездоровый, обречённый, больной организм, источая скверный запах.

В таких условиях трудно предстать перед Богом и вознести Ему благодарение. И всё же я это сделал не потому, что это нужно Богу, а мне самому. Я уходил в себя и искал среди всего этого смрада свет вечный, негасимый, тот, что есть в каждом сердце, живущем на земле, ибо Господь любит каждого созданного им человека.

Внимательно наблюдал за всем происходящим вокруг: как распределяются продукты и вещи, присланные родными, какие отношения складываются между людьми, наблюдал и анализировал, изучая законы этого странного мира, пропитанного насквозь агрессией и страхом. Я ни с кем не шёл на особый контакт, но отвечал всем, кто что-то спрашивал... Эта стратегия выживания была мне знакома ещё со школы. Уже там я сильно отличался от своих сверстников, и с этим приходилось как-то жить. Поэтому, старался быть как можно более незаметным, чтобы иметь возможность погружения в собственные мысли, не вызывая при том оскомину у окружающих. С уважением относился к людям, но ни перед кем не прогибался. Может это и помогло, не знаю, но меня как-то никто особо не «прописывал» и не дёргал по поводу и без повода. Уже через пару дней стало понятно, что в любых условиях можно выжить и человек привыкает ко всему. Не читая проповедей, никого не уча уму-разуму, сам учился, узнавая законы этого «монастыря». Это, конечно, ещё не тюрьма, но существуют какие-то свои базовые правила. Имя мне дали «Сан», видимо, потому что я сказал, «сан даётся навсегда». Некоторые называли священником, я тут такой был один. По имени не звал никто, оно осталось за дверями этого места.

Адвокат приходил несколько раз в неделю, передавал мне новости и сигареты. Они нужны были для сокамерников, деваться было некуда, эта местная валюта помогала выжить. Первую посылку из дома я получил уже на следующий день. И откуда Наташа всё узнала? Тут, наверное, тоже не обошлось без Эдмунда, передача была собрана по всем правилам. Часть продуктов я раздал сразу, что-то оставил себе, чтобы не умереть с голоду.

Постепенно привыкая к распорядку и устройству этого общества, я начинал его лучше понимать. Ничто человеческое им здесь не чуждо. Нечеловеческим оставалось зло, но оно везде отвратительно, даже если и кажется на первый взгляд справедливым.

День прожил, и слава Богу, тут другого измерения нет. Я был всё время начеку. Много слушал, мало говорил, не диктуя своих условий, ведь не ходят в чужой монастырь со своим уставом.

Всё бы было ничего, только однажды привели «новенького» по статье за изнасилование несовершеннолетней и слух об этом облетел всех и вся. Парень сам был восемнадцати лет, только – только оперившийся, объяснял всем, что было по обоюдному согласию, только родители подруги решили всё по-другому. Его всё равно решили опустить, я обратился к старшему и просил за мальчишку.

– Ты же сам такого обезвредил, священник! Не твоего ума это дело!... Хочешь вон, грехи ему отпусти, а в наши дела не лезь!

– Я бы не лез, если б знал, что так оно и было, но он говорит правду.

– Откуда тебе знать, провидец?!

– Оттуда же, откуда знаю, что маму свою ты потерял в семь лет от роду. А в день, когда тебе стреляли в грудь, душа твоей матери отвела пулю и та не задела сердце, а только пробила лёгкое. Её душа и сейчас всё время тебя прикрывает. Не заставляй её страдать, не причиняй мальчику несправедливой боли!

Он вскочил со своего козырного места. У меня было чувство, что он раздавит меня как блоху, но на секунду задумавшись, он остановился, потом сел... и, просверливая меня глазами, спросил:

– Может и имя её скажешь?

– Почему б не сказать, её звали Галина. В жизни она занималась шитьём...

– Стоп. Этого никто не знал. Ты откуда знаешь?

– Я не могу объяснить, просто вижу и знаю, что должен помочь этому человеку. Поверь тому, что он говорит, в его словах нет лжи. Кто из нас не любил?

– Здесь никому не верят. Здесь существуют факты. Кто ты такой?

– Ты знаешь, я – священник.

– Что ещё можешь сказать?

– Галина умерла от удара ножом своего пьяного сожителя, и ты видел это.

Он побледнел, все в камере насторожились, стояла напряжённая тишина. Решалась уже не только судьба мальчишки, но и моя собственная.

Видение было безошибочным, перед моими глазами его мать стояла, как живая. Захочет ли он признать правду?

– Ума не приложу, откуда ты всё это узнал, но я докопаюсь до истины! – наконец-то сказал авторитет. – А покуда, оставьте пацана! Но если я узнаю, что ты получил эту информацию от кого-то, ответишь вместе с ним! – он треснул по столу обеими ладонями, словно утверждая свои слова печатями и лёг на кровать, закрыв глаза, показывая всем, что ему больше не хочется ни с кем говорить. В камере все притихли.

Я бесшумно выдохнул, напряжение постепенно отпускало, нервной дрожью пробегая по телу.

«На всё воля Твоя, Господи! Чему быть, того не миновать. Об одном прошу, не оставляй меня в Милосердии Твоём!...»

Глава 9

С этого момента мальчишка привязался ко мне как хвостик, видя в моём лице единственную возможность на выживание. Подселили его ко мне на верхнюю полку, как её называют здесь «пальма». Все остальные держались от нас в стороне до вынесения «приговора», но лишней раз не цепляли и не трогали, меня это вполне устраивало. Зовут его Михаил. Здесь прозвали «Мышь». Созерцание этого неокрепшего безобидного юноши, попавшего в такие условия, вызывало во мне искреннюю жалость и душевную боль. Мой жизненный опыт и глубокое общение с множеством человеческих душ помогали мне не делать грубых ошибок, а вера придавала сил, не позволяя отчаиваться. У него же не было ни того, ни другого. Первое время он ходил за мной тенью, не решаясь даже заговорить, потом постепенно освоился, стал помогать в уборке, стирке, готовке. Я не гнушался любой работы, не трудно наводить чистоту, чтобы как-то убить время, безжалостно долгое в ежедневном ожидании приговора. Делился с Мишей всем, что у меня было, когда появлялась возможность, незаметно дотрагивался до него, чтобы передать ему хоть каплю покоя и освободить от страхов, что, словно слизь, окутывали его душу плотным коконом.

Все вещи замачивались в кипящей воде, чтобы уничтожить вшей и обезопаситься от них, потом помогало хозяйственное мыло. Держать тело и одежду в чистоте здесь приветствовалось не меньше, чем на воле, грязнуль называли «чертями» и избегали.

Во время одной прогулки по замкнутому со всех сторон квадрату с натянутой поверху проволокой вместо потолка Миша обратился ко мне:

– Сан, можно с тобой поговорить?

– Конечно.

– Извини, что беспокою... Говорят, у тебя скоро суд.

– Да, предвидится.

– Что я буду делать без тебя?!

– Во-первых, перестань дрожать от страха, за это тебя Мышью и прозвали. Во-вторых, поверь в свои силы. В третьих – ты ни в чём не виноват, а значит, всё будет хорошо. И в четвёртых, – я сделал паузу, – если я выйду первым, то помогу тебе.

– Как?

– Я найду родителей твоей девчонки и сделаю всё, чтобы они забрали своё заявление.

– Почему ты мне поверил?

– Потому, что вижу тебя, как облупленного.

Он посмотрел на меня, вытаращив глаза, и минутой позже сказал:

– В тебе есть что-то, чего я не могу понять, и от этого теряюсь в догадках. Ведь ты необычный человек, Сан.

Я даже засмеялся.

– Всё очень просто, ты ещё горький ребёнок, чуток повзрослеешь и сам всё поймёшь.

– Её родители из богатых, они не станут слушать даже тебя.

– Станут, ещё как станут, я обещаю! Главное – выбраться отсюда, а это не так-то просто!

Мы ходили по кругу, ноги мёрзли, стирая белый снег в серую кашу... Но это была единственная возможность надыхаться свежим воздухом после прокуренной камеры.

Внезапно выглянуло солнце и яркими лучами ослепило забывшие свет глаза.

Я поднял голову вверх и жадно впитывал его каждой клеточкой своей кожи...

Вспомнился тот день, когда на поле во время дождя я развёл тучи «руками», а рядом стояла, прижавшись ко мне, она – моя единственная, любимая и такая невозможно далёкая сейчас словно сказочный сон или воспоминание из другой жизни. Прошёл уже месяц, как мы не виделись. На воле все уже отгуляли праздники: Рождество, Новый год... «Время уходит,

уходит безвозвратно, и я уже никогда не смогу его наверстать!» – я продолжал упрямо смотреть на небо, мучить бедные глаза и терзать свою душу.

Нам не давали свиданий, и причин никто не объяснял. Ко мне приходил лишь адвокат, который старался делать всё, чтобы ускорить судебный процесс. Была надежда, что меня оправдают, или, в крайнем случае, дадут условный срок по статье: «Причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны, либо при превышении мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление.» Всё это могло также привести к году тюремного заключения при условии, что пострадавший не умрёт. В другом случае, я пойду уже по другой, ещё более тяжёлой статье... Эти мысли сводили с ума. И только вера продолжала держать мой дух в уповании на благополучный исход.

Однажды ночью я проснулся от того, что слышал тихий стон. Дежурный свет освещал всё полумраком, я пошёл на звук и понял, что это наш «старший» стонет, держась за сердце.

Я спросил, нужна ли помощь.

– Нужна, – тихо ответил он, – только не зови никого! Сядь, Вишневский! – он впервые назвал меня по фамилии и, указав на край кровати, повелел сесть. Я присел рядом.

– Видно, пришёл мой конец. Чувствую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.